

1998

Золотая лодка

Бауыржан Чердабаев

16+

Бауыржан Чердабаев

Золотая лодка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56292290

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05446-2

Аннотация

Хотите путешествовать во времени? Побывать в древнем городе, посетить будущее, узнать тайны Третьего рейха? Присоединяйтесь! Два друга нашли в степи легендарную золотую лодку. Они даже не подозревают в какой опасный водоворот приключений и открытий увлечет их могущественный артефакт, способный перемещаться во времени и пространстве.

Содержание

Глава 1. Потайной схран.	5
Глава 2. Исчезновение ханской дочери.	30
Глава 3. Мансур и Баубек.	51
Глава 4. Воспоминания Камбара Абдрашитова.	75
Глава 5. Ахан Атаев.	89
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Эта книга посвящается Мастеру ХОРА, современному дзенскому мастеру-мистику и создателю транс-эволюционного учения и Практики ХОРА, с помощью которой у меня появился невероятный шанс взглянуть на мир другими глазами.

Глава 1. Потайной схрон.

Весна 1991 года. Сарайшык. Гурьевская область¹. Казахстан.

В первые дни апреля, когда в степи потеплело, два друга, Мансур Омаров и Баубек Нуржанов, вместо того чтобы вернуться домой после занятий в школе, рванули на своих велосипедах на рыбалку. Мансур катил на стареньком «Уральце», доставшийся ему в наследство от старших родственников, а Баубек держался рядом с ним на новенькой «Каме» – недавний подарок родителей. Хотя рыбалка в нерест запрещена, ребята все же решили рискнуть: порыбачить на обычные удочки, чтобы принести домой немного свежей рыбы. Времена наступили тяжелые, в селе Сарайшык многие выживали за счёт Яика².

Ребята ехали по проселку вдоль реки – ведущему в соседнее село Жалгансай. На втором километре пути рос у дороги одинокий раскидистый карагач, служа им одновременно и ориентиром, и местом для привала.

Смуглый, темноволосый и худощавый Мансур выглядел

---

¹ Ныне Атырауская область – область в составе Казахстана с административным центром – городом Атырау. До 9 октября 1991 года носила название Гурьевская область и, соответственно, административный центр назывался городом Гурьев.

² Река Урал

старше, крепче и решительнее Баубека, тот был полноватым, светловолосым и слегка неуклюжим. Мансур уверенно налегал на педали и периодически вырывался вперед. Баубек пыхтел, но изо всех сил старался не отставать от друга.

Друзья перекликались, шутили и громко смеялись.

Степная природа с приходом весны постепенно оживала. На тугайных³ деревьях и кустарниках, росших у реки, только что полопались почки, и со стороны казалось, что они покрылись светло-зеленоватой пылью. Кругом из-под земли проклевывалась молодая трава.

Хотя в воздухе все еще ощущалась легкая и прохладная свежесть, солнце, стоявшее в зените, светило по-летнему ярко. Оно прогревало всю округу. От тепла из нор повылезали суслики, проснувшиеся от спячки после долгой и морозной зимы.

Исхудалые грызуны суетливо бегали в поисках пищи среди сухих прошлогодних кустарников и оттаявших от снега песчаных холмиков. Конечно же, они остерегались степных хищников – лис и орлов в весенней степи было предостаточно.

---

³ Тугайные леса (тугаи) – разновидность пойменных галерейных лесов, специфическая миниэкосистема, возникающая небольшой площадью, – всего лишь пара десятков метров от кромки воды, – по берегам рек Средней и Центральной Азии. Растительность таких оазисов, контрастируя с редкой и невзрачной растительностью соседней пустыни, зачастую, представлена ивой, тополем, разнообразными кустарниками, густо опутанными высокой травой. Тугайные леса совершенно непроходимы и, представляя собой настоящие джунгли, являются местом гнездования множества водоплавающих птиц и обиталищем огромного количества млекопитающих.

но, — но зверьками двигал голод, заставлявший их отходить все дальше от своих нор. Они очень сильно рисковали своими шкурками, в буквальном смысле этого слова.

Добравшись до раскидистого карагача на берегу реки, друзья расседлали свои велосипеды и, продолжая веселиться, прислонили их к дереву под серо-коричневыми шерстистыми ветвями. Река в этом году сильно вышла из берегов и приблизилась к дороге. В илистой воде кишела рыба, идущая на нерест. Были видны рыбы спины, мелькали плавники. Завидев это, ребята посерьезнели и сходу увлеклись ловлей. Они подошли вплотную к воде и закинули самодельные снасти, дав пенопластовым поплавкам лечь спокойно на воду. Но поплавкам долго без дела лежать на воде не довелось. Клёв шел на ура: рыба попадалась на крючки одна за другой. Ребята выдергивали снасти из воды, снимали рыбу с крючка и снова забрасывали.

Через некоторое время Мансуру наскучило стоять на одном месте. Он стал отходить от Баубека выше по реке. Временами мальчик останавливался, чтобы снова закинуть снасть в воду. Но выловив очередную рыбу, он оставлял ее на берегу и двигался дальше. Непоседливому Мансуру было так намного интереснее. Они с Баубеком и в этом были разными. В отличие от своего друга, Мансур не мог долго находиться на одном месте. Рыболовный азарт не захватывал его, он приходил сюда, чтоб составить компанию другу и наловить рыбы домой.

Подвижный Мансур оживал, когда его захватывал дух авантюризма. Возможно, в такие моменты в нем просыпалось стремление к яркой жизни, наполненной смыслом и подвигами. Сейчас же он просто развлекал себя, как мог. «На обратном пути соберу рыбу, насажу на кукан, и мы с Баубеком еще засветло вернёмся в село», – так думал он, выбрасывая на берег очередную рыбу.

Баубек стоял у воды с удочкой в руках, изредка поглядывал по сторонам – не видать ли крадущихся к ним инспекторов рыбоохраны. Но все было тихо; и он снова переводил внимание на поплавок, пытавшийся вырваться с натянутой лески. Течение реки было сильным. Казалось, что все что ни попадет сейчас в её бурлящие воды, будет тут же унесено в сторону моря. И только рыба, смело преодолевая сильные водовороты, продолжала сновать недалеко от берега и глупо попадаться на крючки. Баубек, как и Мансур, мог похвалиться богатым уловом.

За рыбалкой прошло около часа. Мансур уходил все дальше. Его увлекало всё, что попадалось на пути, но только не сама рыбалка. Он уже готов был возвращаться в село, но вдруг в небе за дорогой раздался громкий орлиный клекот. Прикрыв ладонью глаза от ярких лучей солнца, мальчик увидел парящую в воздухе птицу. Мансур сразу догадался, что степной орел охотился на сусликов, выслеживая их среди кустарников. Он даже увидел, как пару раз хищник атаковал их, падая камнем вниз, но неудачно. Птица не отчаивалась,

взмыв в воздух, начинала заново кружиться над степью.

Бросив свою удочку на землю, Мансур ринулся к тому месту, куда в очередной раз метнулся с неба орел. Исчезнув среди сухих кустов джантака⁴ с джусаном⁵, птица в этот раз долго не появлялась.

Мансур бежал и про себя умолял птицу, чтобы та не взлетала. «Стой! Не взлетай!» Он перебежал через дорогу и, сбавив скорость, перешел на быстрый шаг. Мальчик уже был близок, как ему казалось, к тому месту, куда только что упал орел, но внезапно хищник выскочил прямо из-под его ног, размахивая своими могучими крыльями. Лицо мальчика обдало потоками воздуха, словно кто-то невидимый выскочил перед ним из кустов и замахал огромными опахалами. В нос ему ударило резким специфическим запахом, исходившим от перьев орла. Мансур от неожиданности отскочил в сторону и, наступив на небольшой холмик с редкой травой, тут же провалился в яму.

Он упал боком на дно ямы вместе с кусками сломанных досок. От удара у него на мгновение перехватило дыхание и потемнело в глазах, тело скрутило от боли. Немного полежав в неудобной позе и придя в себя, он принялся оттряхиваться от песка и мусора. Откашлявшись от пыли, он осмотрел себя: все в порядке – он ничего себе не повредил, и нигде не шла кровь. Мансур ухватился за одну из досок, свисавшую

---

⁴ Верблюжья колючка

⁵ Полынь

сверху, и попытался встать. Внутри ямы было очень тесно. «Хорошо, что на досках не оказалось торчащих гвоздей», – мимолетно подумал мальчик, поглаживая бок. Мансур начал переживать, что угодил в землянку браконьеров, ставящих по ночам сети на идущих с Каспия осетров с икрой. Он испугался: вдруг сейчас появятся рассерженные браконьеры, и ему предстоит долгое объяснение, что он случайно попал в их схрон, а не пытался обчистить. Но здесь же не пахнет рыбой! Сразу успокоившись, Мансур внимательно огляделся: яма эта была вовсе не яма, а небольшое помещение с обваливающимися стенами из старого красного кирпича и нескольких бревен, она была прикрыта такими же старыми широкими досками. Они подгнили от времени и обрушились, поэтому Мансур провалился. Большую часть в комнате занимал какой-то предмет, покрытый истлевшей тканью. По форме предмет напоминал то ли чей-то саркофаг, то ли чью-то перевернутую кверху днищем большую байдубу⁶. Чей же это тайник? Если не браконьеров, то чёрных копателей? А материал этот, покрывавший «саркофаг», – настолько истлевший, что местами рвался под собственным весом, – вроде похож на брезент. Мансур протянул руку и, взявшись за край покрывала, аккуратно приподнял его. Снизу он увидел две деревянные подставки, похожие на строительные козлы. На них был установлен этот странный предмет. Что же это такое?

Сердце Мансура учащенно застучало. Мальчик пригото-

---

⁶ Браконьерская лодка

вился к самому худшему: вдруг там окажется гроб со стеклянными стенами и внутри будет лежать тело мертвеца. От этих мыслей его слегка передернуло, но он не остановился и смело откинул приподнятый край ткани. Покрывало начало медленно соскальзывать. Поднялись клубы пыли, и волнами перекатываясь в солнечных лучах, пробивающихся сквозь дыру в яму. Мансур успел укрыть лицо краем своей школьной куртки. Он постоял так немного, отдышался, подождал, пока пыль осядет, и когда высунул лицо из куртки, то перед его удивленным взором предстала необычная лодка. Лучи, сместившегося с зенита солнца, косо ложились на ее поверхность. Сердце мальчика снова забилося, но уже от восторга. Лодка была перевернута кверху днищем. Она не была похожа на простую лодку или байду, или какой-то там ялик. Она была изготовлена из крупных металлических панцирных пластин, по цвету и текстуре схожих с золотом. Пластины были плотно подогнаны и наложены друг на друга подобно рыбьей чешуе.

Не веря своим глазам, Мансур провел по ним рукой. Он не мог понять, для чего кому-то понадобилось делать лодку из дорогого металла, да еще и хранить в подземелье. Думая об этом, Мансур взялся за край борта и попробовал приподнять судно. Лодка оказалась невероятно легкой, будто была она изготовлена не из металла, а склеена из картона, или сколочена из кусков фанеры, и ее покрасили золотой краской! Мансур пытался убедить себя в этом. Его мозг отказывался

мириться с тем, что посреди степи, да к тому же под землей, могла находиться большая золотая лодка. Откуда она могла здесь взяться? Но, ощущая рукой гладкую поверхность металла на каждой её пластине, он понимал: это было настоящее золото.

Наверно, Мансур стоял бы так еще очень долго, разглядывая и ощупывая свою находку, все сильнее впечатляясь ею, если бы не отчаянные крики Баубека, доносившиеся снаружи. Он ходил где-то рядом по берегу, судя по звукам, на том месте, откуда недавно Мансур заметил орла. Мансур закричал в ответ. Он принялся искать способ, как вылезти из ямы, или хотя бы высунуть голову. Попытался сперва воспользоваться лодкой и по ней вылезти из ямы, но спохватившись, решил не наступать на неё, она показалась ему хрупкой: еще продавишь, сомнешь, или вовсе сломаешь ее корпус. Мальчик оглянулся и, подняв большой кусок от сломанной доски, прислонил к кирпичной кладке. Он полез по ней из ямы. И как только его голова выглянула наружу, вдохнул свежего воздуха и крикнул:

– Баубе-е-ек! Я зде-е-есь!

Услышав голос друга, Баубек тут же ринулся ему на помощь. В считанные секунды он преодолел тот же путь, по которому Мансур бежал недавно к орлу, и теперь стоял на краю ямы, опершись руками в колени. Он смотрел на него сверху, выпучив свои серо-зелёные глаза, и никак не мог отдышаться. Щеки мальчика то ли от бега, то ли от переживаний за

друга стали красными словно два огромных помидора.

Наконец-то Баубек отдышался. Его лицо заметно просияло и на нем появилась широкая улыбка. Он радовался за друга: ведь тот был жив и здоров. Опустившись на колени, протянул руку. Мансур взялся за неё и подумал, что Баубек – пухлый, рыхловатый, он даже здоровался мягким рукопожатием и от этого казался слабым и мягкотелым – мгновенно преобразился. Мансур ощутил в руке своего друга недюжинную силу. И эта сила вызвала уважение и еще большее доверие. Пока Баубек усердно вытягивал его, к Мансуру пришло понимание: оказывается, его друг обладает настоящим мужским характером. Ведь он, если даже и растерялся, все же продолжал поиски.

– Мансуржан, я так сильно испугался за тебя, – принялся обнимать его Баубек, когда тот оказался на земле. – Прости, но я уже подумал, что ты упал в воду, и тебя унесло течением.

– Со мной все хорошо. Ты лучше посмотри, что там внизу. – Мансур указал на дно ямы. Баубек наклонился:

– Мансур, это что, лодка что ли? – удивленным голосом проговорил Баубек, и его серо-зеленые глаза сделались большими. – Она, что ли, золотая?

– Да, похоже на то, – ответил Мансур и добавил:

– По крайней мере, она сделана из металла, похожего на золото. Я проверял.

Баубек замолчал. Мансур посмотрел на него. Тот стоял,

все также, опершись в колени руками, и переводил свой удивленный взгляд от него к лодке и снова к нему. Пауза затягивалась. Мансур, решив вернуть друга в реальность, что-то быстро обмозговал и воскликнул:

– Слушай, Баубек. Я сейчас снова спущусь в яму, подниму носовую часть. Вот так, смотри!

И Мансур ловко показал другу, что и как надо будет сделать. Он сперва развернулся к нему спиной, затем присел и, сделал вид, словно поднял с земли носилки. После, он развернулся к Баубеку и, держа руки над головой, проговорил:

– Подниму её над головой и подам её тебе. Понял?

Он опустил руки и добавил:

– Тебе надо будет схватиться за неё и начать тянуть на себя. Но сперва нам надо расчистить проход от песка и досок.

Баубек снова удивленно посмотрел на друга, но не пытался возразить ему. Довольный тем, что с Мансуром все в порядке, он покорно подчинился его командам. Удивление сошло с его лица: оно вновь засияло счастьем и радостью. Его улыбка растянулась почти что до ушей. Мальчик напевал себе под нос какую-то веселую мелодию и добродушно посмеивался над начальственными стараниями друга. По велению Мансура, Баубек перешел на противоположную сторону ямы и встал у ее края. Мансур был серьезен и старался не обращать внимания на хихиканья Баубека. Он взялся за конец одной из досок и, призывая друга к вниманию, принялся аккуратно поднимать ее. Плотный холм песка, лежавший на

досках, зашевелился и стал ссыпаться вниз, гулко ударившись о панцирный корпус золотой лодки. С лица Баубека тут же сошла улыбка. Перестав паясничать, он принялся помогать. Мальчик ухватился за доску с другого конца, не давая песку полностью осыпаться вниз. Ребята вместе подняли её и откинули в сторону. Прогнившая доска шумно шлепнулась оземь и поломалась надвое. Редкая степная растительность слетела с нее вместе с песком. Чуть погодя за первой доской последовала вторая, а за ней третья и остальные.

Мальчики работали недолго. Дружно и слаженно они расчистили проем от всех досок и наваленного на них песка.

Перед ними теперь полностью открылось подземное помещение, обнажив свету все свое содержимое. Солнце постепенно клонилось к закату, но лучи все еще освещали внутренность тайника. Ребята посмотрели вниз и ахнули. Хотя лодка была вся в пыли и грязи, перед ними она открылась в полном великолепии. Длина ее составляла не менее пяти метров, а в ширину около полутора или даже двух метров. Лучи солнца, скользившие по ее корпусу, переходя от одной пластины к другой, играли на ней яркими желтыми бликами. Мальчики стояли у края ямы и понимали: лодка явно была золотой. И если это так, то этого золота было очень много.

Баубек зачаровался увиденным. Он хотел спрыгнуть вниз и поближе разглядеть их находку, пощупать её. Но Мансур остановил его и сказал:

– Одному из нас надо остаться наверху.

Он глянул еще раз на Баубека, чтобы тот не обижался, и прыгнул вниз, оказавшись снова между кирпичной кладкой и бортом лодки.

– Вроде не из жести и не из досок, – шутливо проговорил Мансур, обращаясь к Баубеку, и, легонько похлопав лодку по корпусу, приподнял её за борт.

– Видишь, металл у нее какой-то странный. Уж очень легкая она почему-то.

Мансур опустил золотую лодку и подошел к ее передней части. Он ухватился за нос судна обеими руками и, подняв его над головой, принялся передавать лодку Баубеку, стоявшему у края ямы. И сперва все шло как надо: лодка под углом легла бортами на край ямы, Баубек перехватил ее носовую часть и Мансур, выбравшись из-под неё, подобрался к корме и со всей силы принялся выталкивать её на поверхность. Хотя лодка и была легкой, ее габариты все же доставляли ему немало хлопот. Ему пришлось основательно потрудиться: сразу поднять и вытолкать наружу не получилось. Носовая часть лодки высунулась из ямы и Баубек вдруг выпустил лодку из рук, заметил что-то на ней.

– А это что ещё такое? – проговорил он, обратив внимание на какую-то фигуру на носу лодки.

Передняя часть лодки поднялась еще выше. Баубек стал подпрыгивать на месте, пытаясь ухватиться за ее нос, а заодно разглядеть что это могло быть на ней. Мансур, не зная,

что там происходит, не сдавался и упорно продолжал толкать лодку снизу. Пару рывков – и передняя часть её начала перевешиваться вперед. Нос золотой лодки стремительно наклонялся прямо на голову Баубека. Еще немного, и сокрушительный удар был бы неизбежен. Мансур почувствовал, как задняя часть лодки устремилаьсь вверх, он, продолжая удерживать ее в руках, практически повиснув на ней, – успел крикнуть другу, чтобы тот был осторожен. Он испугался: удар по голове металлическим носом этой золотой дуры мог бы быть опасным для друга. И случись что с Баубеком, он не простил бы себе этого. Надо было самому остаться наверху, а Баубеку идти вниз!

Но вот лодка благополучно и с грохотом опустилась на землю. Широкий корпус дернулся пару раз, словно громадное животное в конвульсии, и сбросил с себя остатки песка с пылью, посыпавшихся на голову Мансура. Сквозь густую пелену до него долетели крики Баубека. Он был в порядке. Мансур облегченно вздохнул и, стряхнув с головы песок, принялся выбираться из ямы. Баубек уже возился с лодкой, пытался перевернуть, хотел уложить ее килем вниз и получше рассмотреть, что же там было у неё на носу.

Приближались сумерки. Солнце торопливо уходило в закат. Несколько ярких лучей капризно цеплялись за шлифованные края панцирных пластин золотой лодки. Казалось, что они не наигрались вдоволь за целый день и теперь выражали свое недовольство, скользя по её корпусу ярко-жёлты-

ми бликами.

Мансур помог Баубеку. Вдвоем они перевернули судно и уложили днищем на землю. Перейдя к передней части золотой лодки, они уставились на её нос. Пятиконечная звезда красовалась, будто влитая в корпус судна.

– Это военная лодка что ли? – удивленно проговорил Баубек.

– Скорее всего, – ответил Мансур. – Видишь, на ней красноармейская звезда. Ты же знаешь: во время войны заводы и фабрики эвакуировали в глубокий тыл. Наверное, наши изготовили ее здесь в те годы, но она не пригодилась и ее спрятали, а потом и вовсе о ней забыли.

– А зачем надо было кому-то делать её из золота? – резонно перебил его Баубек и, демонстрируя свои знания о военной технике, добавил:

– На войне танки делали из броневой стали, как Т-34. Это ведь было намного прочнее и экономичнее. А тут целое золото!

Но Мансур его уже не слушал. Радуюсь своей находке, он запрыгнул в лодку и уселся на переднее сиденье. Хотя, скорее всего, он прислушивался к Баубеку, но только краем уха. Сидя в лодке, он сразу же представил себя танкистом, держа руки перед собой и представляя, что ведет свой танк на врага.

Баубек продолжал разглядывать и ощупывать их странную находку. Будучи практичным человеком и зная реаль-

ную цену вещам, он сомневался: как такая лодка могла быть связана с прошлой войной?

– Я все же не могу понять, – произнес он. – Для чего понадобилось тратиться на такое количество золота? А может быть...

Баубек собирался что-то сказать, как неожиданно перед носовой частью лодки начала образовываться дыра в пространстве. Отверстие очень быстро расширялось. Было похоже на то, как будто плавился воздух, и дыра от этого моментально увеличивалась по окружности. Вокруг золотой лодки стали вспыхивать световые миражи. Появились странные звуки, похожие на космические. Звуки пульсирующих сигналов, яростных топотаний, глубоких вздохов и выдохов, глухих и звонких стуков, завываний, потрескиваний и грохотаний смешались в одну громкую разноголосицу и какофонию. Все это заставило вздрогнуть Баубека и отскочить в сторону. Спустя миг это все прекратилось. Мальчик посмотрел на лодку – она продолжала оставаться на месте, – но она была пуста. В ней не было Мансура.

– Опять пропал! – взволнованно воскликнул Баубек.

Он медленно приблизился к лодке, опасаясь, что вспышки и звуки возобновятся:

– Я знаю, ты спрятался. Залег на дно?

Он заглянул внутрь. Но там никого не оказалось.

– Что за дела? Куда он делся? – проговорил Баубек и, оглядываясь по сторонам, прокричал:

– Мансур, где ты?! Мансур!

Баубек стоял рядом с золотой лодкой и не знал, что ему делать. Начинало темнеть, а его друга все не было. Неприятно засосало в животе, и он прокричал еще раз:

– Появишься, я надаю тебе по шее! Сколько можно так издеваться надо мной! Мансу-у-ур!

Но в ответ стояла тишина. И лишь в небе над степью раздался и затих трезвон жаворонков. Солнце наполовину зашло за горизонт, и степь начала покрываться темнотой. Мансур пропал, словно растворился в воздухе. Исчез куда-то бесследно.

– Мансу... – только Баубек собрался прокричать имя друга, как вдруг за его спиной опять раздались неприятные звуки.

Мальчик с испугу отскочил в сторону и упал на землю, уткнувшись лицом. Он инстинктивно, как во время бомбежки, накрыл голову руками, опасаясь, что на его голову упадет что-то. Но звуки продолжались недолго, и как только все утихло, Баубек осторожно поднял голову и взглянул на лодку. В ней он увидел Мансура. Тот, как и вначале, продолжал сидеть на переднем сиденье. Баубек вскочил на ноги и подбежал к нему.

– Мансуржан, друг мой! Ты жив!

Мансур, не сразу поняв, что это был Баубек, отпрянул от него, словно от призрака. Опрокинувшись спиной на противоположный борт лодки и выставив перед собой ногу, он гля-

дел на друга выпученными глазами и бормотал что-то непонятное себе под нос.

– Мансур, это же я! – прокричал Баубек. – Что с тобой случилось?

Мансур опустил ногу и мгновение спустя с него стало сходиться оцепенение.

– Баубек! Бежим отсюда! – крикнул он и, вскочив на ноги, выпрыгнул из лодки и ринулся в сторону села.

– Мансур, стой! – завопил Баубек вдогонку. – Велосипеды!

Но Мансур неся прочь. Баубек, не решаясь оставаться в одиночестве в ночной степи даже из-за своей новенькой «Камы», – помчался догонять друга. Сильный испуг Мансура передался и ему. Он ускорился и поравнялся с Мансуром.

Обратный путь до села друзья проделали намного быстрее. Расстояние от одинокого карагача, у которого они оставили свои велосипеды, и до своих дворов они пробежали без остановки. Солнце полностью скрылось за горизонтом. На улице стало совсем темно: луна и звезды еще не успели появиться. Запыханные ребята, не останавливаясь, разбежались по своим домам.

В это время мать Мансура Мендеш укладывала маленькую дочь Райхан в постель. Дочитав ей книгу, она только что потушила ночник, как вдруг с шумом распахнулась входная дверь, и кто-то влетел в дом, сбив в прихожей пустое металлическое ведро, которое стояло здесь уже несколько дней,

дожидаясь, когда кто-нибудь наконец-то замесит в нем извёстку и побелит наружные стены дома.

– Кто там?! – испуганно воскликнула Мендеш и, выбежав в прихожую, включила свет.

На шум из своей комнаты выбежала Райхан и, спрятавшись за мамой, смотрела на брата, с головы до ног покрытого пылью и грязью.

– Сынок! – воскликнула мать и подбежала к Мансуру. – Что с тобой случилось?

Она ненароком подумала, что Мансур был пьян – промелькнуло горькое воспоминание, как когда-то приходил домой в пьяном состоянии ее муж, отец Мансура и Райхан, и устраивал скандалы. Но Мансур молча стоял и смотрел на мать. Он не был пьян. Его колотила дрожь, и когда он пытался что-то сказать ей, раздавался еле слышный стук его зубов. Мендеш обняла сына и повела его в комнату. Видя состояние своего мальчика, она сдержала себя и решила переждать до утра с расспросами. Она помогла ему снять одежду и уложила спать.

Но Мансур, видно не захотев ждать утра, сказал ей слегка дрожащим ртом:

– Мам, мне надо утром сходить к дедушке на пастбище.

– Спи, сынок, – ответила тихим голосом Мендеш и, поглаживая ему голову, добавила:

– Завтра утром поговорим. А сейчас, прошу тебя, постарайся успокоиться и заснуть.

– Хорошо, – тихо ответил Мансур и заснул.

Ночью Мансуру приснился сон. Во сне он шел по разрушенному средневековому городу, где не осталось ни одной целой постройки. Это был город-призрак. Кругом не было ни души, а только лишь обгоревшие фасады зданий – руины и разруха, на городской площади валялись тут и там перевернутые повозки. Рядом с повозками были разбросаны чье-то имущество и домашние пожитки. Никого не было видно. По всей видимости, люди второпях бежали из города, побросав свои вещи.

Мансур узнавал это место. Он понимал, что уже побывал здесь накануне вечером, когда сел в золотую лодку, и его что-то напугало. В тот момент, сидя в ней, мальчик увидел стены средневекового города, стоявшего у реки. Но тогда город был цел, и в нем текла жизнь. Сквозь высокие ворота входили нагруженные возы и навьюченные верблюды. Рядом с караванами шли люди. На стенах города и у ворот стояли стражники. Кто-то из них заметил мальчика, воины побежали в его сторону.

Но сейчас, в своем сне, Мансур находился внутри опустевшего, безжизненного города.

Он шел по городу, как вдруг, откуда не возьмись, на него с неба налетел степной орел. Хлопая огромными крыльями, птица пыталась ухватить мальчика когтистыми лапами. Мансур даже во сне почувствовал резкий запах, исходивший от ее перьев. Степной орел напал с дикими воплями на него,

словно на суслика, но мальчик не растерялся. Он схватил с земли палку и принялся отбиваться от орла. Пару раз он почувствовал, как очень хорошо приложился ею о тело птицы и та, ничего не добившись, улетела прочь от смелого мальчика.

Отбившись от орла, Мансур двинулся дальше и вышел на одну из городских улиц. Она вела к разрушенной стене, у которой лежали трупы, наваленные друг на друга. Мальчик ощутил жуткий страх. Он побежал прочь от того места, но вдруг очутился в тупике между зданиями. Он зажмурился, а когда открыл глаза, разрушенный город словно растворился в воздухе, а вместо него кругом расстилалась голая степь и протекающая рядом река. Мансур оказывается у этой реки перед её обрывистым берегом. Он стоял и смотрел на этот обрыв и понимал, что это то самое место – тупик между разрушенными зданиями, превратившийся со временем в уплотненный песчаный вал. В нем Мансур увидел человеческие черепа, которые зашевелились, пытаясь что-то ему сказать.

Мансура вновь охватил страх, и он понесся прочь от этого места. И вдруг он снова оказался на городской площади средневекового города. Кругом тишина, все цело, нигде ничего не лежит в беспорядке, все здания целы, и нет причин для волнения. Мальчик успокоился и обратил внимание, как вдалеке в небе что-то ярко сияет на солнце и сейчас движется прямо на него. Сияние постепенно увеличивается, и он

видит, что это та самая лодка, которую они с Баубеком вытащили из ямы.

Золотая лодка плывет прямо на него по воздуху, проплывая над рекой, над землей. И вот, когда она приблизилась к Мансуру, он увидел на её носовой части ту самую пятиконечную звезду. В этот раз звезда сияла также ярко, как и сама лодка. Золотая лодка плавно опускалась и одновременно приближалась к мальчику. Звезда начинает очень быстро вращаться вокруг своей оси, она настолько быстро начинает вертеться, что в какой-то момент превращается в круг. Мансур, словно загипнотизированный, смотрит на этот круг и видит, что в нем, в этом круге, постепенно появляется лицо какого-то существа. По форме оно отдаленно напоминало изображение, которое Мансуру доводилось видеть в степи на средневековых каменных изваяниях – балбалах⁷. Мансур вдруг начинает понимать, что в отличие от степных каменных изваяний, лицо этого существа не женское, изображающее скорбь по усопшему, не взгляд храброго батыра и даже не мудрая печаль одинокого старца. Это лицо некоего фантастического идола войны или абсолютной власти. Он был уверен: завладеть таким идолом, и власть будет в кармане.

Золотая лодка подплывает к Мансуру, и лицо странного и загадочного существа, приблизившееся теперь к нему вплотную, начинает оживать.

Мендеш всю ночь не сомкнула глаз из-за того, что Мансур

---

⁷ Каменные статуи, встречающиеся в степях в виде небольших столбиков

беспокойно спал. Она слышала ночью, как он во сне разговаривал и вскрикивал. Наверное, ему снова снились странные сны. И вот теперь, когда ее сын проснулся в ознобе, Мендеш находилась на кухне и была сильно встревожена. Она была уверена, что состояние сына могло быть связано с далекими предсказаниями.

А случилось это, когда Мансуру было лет пять. Тогда еще не успели остыть спортивные страсти Олимпиады 1980 года. И в то время Мендеш со своим сыном и ныне покойным мужем, проживавшие в одном из сел в Астраханской области, отправились с визитом к родственникам мужа в соседнее село. Дочери Райхан на тот момент еще не было. Она родилась в 1982 году. В том селе им случилось встретиться с одной бабкой, которая, взглянув как-то на Мансура, сказала Мендеш, что у её сына сложится необычная судьба. Единственное, что от неё требовалось, это беречь и заботливо относиться к своему мальчику. Мендеш потом интересовалась у родственников мужа про эту бабку, но никто никогда ее в селе не видел.

Естественно, все это для женщины показалось необычным и немного пугающим. Но с тех пор Мендеш следовала рекомендации странной бабки и с особым трепетом относилась к Мансуру, не забывая проявлять свою материнскую ласку и к своей дочери Райхан.

С тех пор прошло несколько лет. Ничего необычного Мендеш не замечала за своим сыном; и она практически за-

была об этом случае, но с недавних пор, как они перебрались в Сарайшык, предсказания бабки стали сбываться. Мансуру периодически по ночам стали сниться странные сны. По ночам он часто бредил и разговаривал, а утром он просыпался в холодном поту, но не мог до конца вспомнить, что с ним происходило, и понять, почему он видит эти сны.

И вот сегодня утром, когда Мансур проснулся в поту и ознобе, Мендеш зашла к нему в комнату. Она и сейчас не стала приставать к нему со своими расспросами, а просто молча помогла ему встать и переодеться в сухую и чистую одежду.

Завтрак уже был готов и ждал на столе в кухне. Еда была скромной: чай, несколько крупных кусков самодельного коричневого сахара и семь ритуальных шельпеков⁸, которые Мендеш, поджарила с утра в честь умерших родственников и предков, чтобы их духи – аруахи⁹ оградили ее семью и детей от бед и невзгод.

Мансур сидел за столом и приходил в себя после странного сна. Он не чувствовал голода, заставил себя съесть кусочек лепешки и выпить чашку черного чая. Мендеш сидела напротив него, помогая Райхан, сидевшей также рядом за столом, с каким-то школьным заданием, и изредка посматривала на сына. Она ожидала, что Мансур начнет говорить,

---

⁸ Казахская лепёшка из тонко раскатанного теста, обжаренная в кипящем масле.

⁹ Каз. Духи предков.

но он молчал, хотя, и делал вид, что с ним все в порядке, ему не давали покоя вчерашняя находка и его ночной сон. Мендеш чувствовала это, но она скрывала свое беспокойство, посчитав, что помощь её отца, старика Камбара, в этом деле будет лучшим решением.

Ласково погладив по голове дочь, женщина встала из-за стола и принялась собирать гостинцы для отца, чтобы Мансур захватил их для него с собой. Она положила пару еще не остывших лепешек, завернув их в чистое и небольшое кухонное полотенце, пакет индийского чая, несколько кусочков самодельного коричневого сахара, а также кулечек тара, обработанного вручную жареного проса, которое старик Камбар обожал есть с горячим чаем. Все это она завернула в прошлый выпуск местной газеты «Прикаспийская коммуна» и положила сверток в хозяйственную сумку, сшитую ею когда-то из своего старого льняного платья.

Позавтракав, Мансур поблагодарил маму и отправился к себе, чтоб собраться в дорогу. Пока одевался, он вспомнил о своей вчерашней грязной школьной форме и смутился, подумав: «матери теперь придется чистить мою куртку».

Одевшись, Мансур вышел в прихожую. Мать с Райхан вышли, чтобы проводить его. Мансур поднял ведро и, поставив его в угол, обратился к маме:

– Мам, я помню о своем обещании. Завтра вернусь с пастбища пораньше и обязательно побелю стены.

– Хорошо, сынок, – ответила Мендеш и поежилась под

ветхим пуховым платком. – Будем ждать тебя завтра. Передай дедушке от нас с Райхан привет.

Мальчик, услышав слова матери, почувствовал облегчение на сердце. Он снял с вешалки потертый и местами выцветший брезентовый плащ, оставшийся ему в наследство от покойного отца, и накинул на себя. Сколько он себя помнил, он помнил этот плащ. И когда отец возвращался домой, Мансур любил надевать его плащ и, нахлобучив на голову капюшон, бегал по всему дому, представляя себя солдатом или разведчиком. Обул кеды – в них ему было удобно и комфортно. Затем, он принял из рук матери хозяйственную сумку с гостинцами для деда и, подмигнув сестренке, вышел из дому. Мендеш последовала за ним, и, остановившись у калитки, принялась глядеть вслед.

Женщина стояла так некоторое время, предчувствуя материнским сердцем что-то недоброе. Тихим голосом она попросила аруахов: где-бы ни находился ее сын, пусть они ограждают его от всех бед и невзгод.

Глава 2. Исчезновение ханской дочери.

Весна 1395 года. Сарайджук. Золотая Орда.

Хан Тохтамыш, правитель Золотой Орды, с небольшим отрядом своих верных нукеров возвращался в Сарайджук¹⁰ из неудачного похода. Его войско получило сокрушительный удар в сражении с эмиром Тимуром на реке Терек¹¹ и теперь спасалось бегством. Остаток ханской конницы, устремившись на север, уходило по правому берегу реки Итиль¹² и вводило противника за собой в сторону Булгарского улуса¹³. Эмир Тимур не подозревал, что хан Тохтамыш на этот раз обхитрил его и ушел в сторону своего малого дворца на реке Яик, служившего запасной столицей в затяжных войнах.

Хан Тохтамыш был в ярости. Кто-то из эмиров предали его во время сражения. Они покинули поле боя со своими людьми в самый ответственный момент. Среди них были и

---

¹⁰ Средневековый город (малый Сарай или Дворец), один из крупных городов Золотой Орды, существовавший в XIII – XVI вв. на правом берегу реки Яик (Урал), близ и на территории современного села Сарайшык (Сарайчик) в 50 километрах к северу от современного города Атырау в Казахстане.

¹¹ Река на Северном Кавказе.

¹² Река Волга

¹³ Булгарский улус Золотой Орды, существовавший в XIII – XV вв. на территории бывшей Волжской Булгарии после её захвата монголами.

те, кто вообще не подошли к месту сражения, а в разгар битвы даже опустили ханское знамя. И войско, думая, что хан погиб, оказалось деморализовано.

Когда хан Тохтамыш вернулся в Сарайджук, пришла печальная новость, которая ввергла его в пущую ярость. Из осажденного Укека¹⁴, находившийся в верховьях реки Итиль, недавно прилетели почтовые голуби с известием о том, что войска эмира Тимура приступили к штурму города.

Тохтамыш был бессилён что-либо предпринять. Большой части его войска не было рядом с ним, а для того, чтобы собрать новую армию необходимо время. Нужно по всей степи собирать людей. Но сейчас хану Тохтамышу хотелось не этого. Больше всего ему хотелось понять, чего ему ожидать от Тимура дальше. В глубине души хан надеялся, что эмир в скором времени уйдёт обратно на Кавказ, или может даже в Иран. Он думал, что Тимур не станет уничтожать Золотую Орду и, удовлетворившись трофеями Укек – одного из самых крупных и богатых городов его ханства, уйдёт обратно на юг. Хан также надеялся, что если эмир все же решит и начнет атаку на другие города, то у него будет в запасе несколько дней, чтобы успеть покинуть Сарайджук вместе со своими родными. Случись такое, Тохтамыш задумал уйти к своему союзнику литовскому князю Витовту, который находился в это время в Киеве, входившем в состав Велико-

---

¹⁴ Город Укек (Увек) – один из древних городов Золотой Орды, расположенного на южной окраине современного города Саратов в Российской Федерации.

го княжества Литовского. Поскольку у князя Витовта были давние интересы и планы в расширении своего военно-политического влияния в Золотой Орде, он всегда готов был с радостью принять хана у себя во владениях. Заимев своего ставленника в степном государстве, Литовский князь получал преимущество на геополитической шахматной доске ойкумены. Контроль над территорией, по которой проходили караванные пути между Востоком и Западом, был мечтой многих правителей. И конкуренция за подобные лакомые куски была нешуточной, методы борьбы коварными и жестокими.

Совсем недавно Золотая Орда пережила двадцатилетнюю междоусобную войну, прозванную летописцами «Великой замятнёй»¹⁵. В период с 1359 по 1380 ханы в Орде не по своей воле менялись по несколько раз в год. На престол претендовали законные наследники по линии Джучи – старшего сына Чингисхана. Золотая Орда фактически распалась на несколько частей и находилось в глубоком кризисе. От неё отделилась Белая Орда, отказавшись признавать себя вассалами. Отказалась признавать свою зависимость от Золотой Орды и третья часть улуса Джучи – Синяя Орда. На западе, на правом берегу Итиля, темник Мамай завёл себе подставных марионеточных ханов и тоже стал независимым государем. Отдельные улусы начинают выделяться из того, что осталось.

---

¹⁵ Междоусобные войны в Золотой Орде в 1359 – 1380-х годах.

Но всякой великой смуте однажды приходит конец. Тохтамыш, при поддержке своего влиятельного покровителя эмира Тимура, завоевал власть в Золотой Орде и стал ханом. С его приходом в государстве восстановилась полная централизация власти, улучшилось экономическое положение, укрепились города и внешнеполитическое влияние. С кровавым походом на Москву в 1382 году хан Тохтамыш возвратил былой контроль над русскими княжествами, заставив их снова платить дань. В Золотой Орде наступил долгожданный рассвет. А для эмира Тимура началось распространение его влияния в степи. Постепенно Тохтамыш обрел небывалый авторитет в народе. Почувствовав свою невероятную власть, хан решил выступить против своего недавнего покровителя. Между ними вспыхнула вражда, продлившаяся много лет.

К весне 1395 года противостояние между Тохтамышем и Тимуром длилось вот уже около десяти лет. Но перед этим, когда Тохтамыш в 1380 году занял свой престол, на свет появилась его дочь Малика. Тохтамыш назвал ее этим именем, желая подчеркнуть статус их могучего рода – единовластных владык степной империи. Рождение Малики хан воспринял как знак небесный и божественный дар, который помог ему в борьбе за престол. Когда Малика появилась на свет, к нему пришли его придворные бахсы¹⁶ и пророчествовали о том, что отныне его дочь ждёт необыкновенная судьба. Помня об этом, хан Тохтамыш по-особенному относился к ней. Он вы-

---

¹⁶ Каз. шаман, знахарь.

делял ее среди других своих дочерей. Порой хан проявлял к ней слишком большую отеческую заботу: ни в чем не отказывал, баловал, помня о том, что дочь – это дорогой гость в доме хозяина, а к дорогим гостям, как известно, нужно особое внимание. Малике исполнилось пятнадцать лет, и ей уже начали присматривать жениха, Тохтамыш приказал придворным ремесленникам соорудить недалеко от стен города пруд, в котором Малика могла бы кататься на лодках со своими подругами и сестрами. У ханской дочери появилась возможность, насладиться последними мгновениями уходящего детства перед переходом во взрослую жизнь.

Приказ хана был исполнен незамедлительно. Для пруда был приспособлен большой овраг, находившийся недалеко от стен города. К счастью ремесленников, им не пришлось рыть котлован. Они перегородили овраг плотиной, и он быстро наполнился весной талой водой. Вновь возникший пруд имел форму овала. По берегам его засадили густой и непреступной стеной из тростника, рогоза и камыша, вязами и плакучими ивами. Деревья и кустарники были выкопаны с корнями в городском саду и пересажены умелыми садоводами на берегах пруда. Теперь они стояли у чистой прохладной воды и, раскачиваясь на ветру, купали в ней свои длинные ветви. Между ними юрко сновали стайки мелкой рыбёшки: подплывали к листочкам, что-то клевали на них и отплывали обратно.

Помимо речной рыбы, пруд облюбовали птицы. Разно-

голосое пение, щебетание, шипение и крик слышалось отовсюду – к воде слетались фламинго, пеликаны, лебеди, утки и другие водоплавающие и мелкие птицы. Они украшали своими красочными опереньями водоем. Бывало, когда солнце склонялось к закату, на пруду утихал птичий гомон, и миг спустя тишину начинало нарушать яростное кваканье лягушек, временами замолкавших и прятавшихся от хищников среди кувшинок, но, как только угроза исчезала, они снова вылезали из-под широких листьев, распластавшихся на водной глади, и продолжали свое лягушачье пение.

Никому не разрешалось подходить близко к пруду, пока там находилась ханская дочь со своими подругами. Девушки звонко смеялись и весело играли на воде. Они катались на лодках и наслаждались беззаботной жизнью.

На пруду Малика проводила всё свое свободное время. Водоем располагался с южной стороны Сарайджука, подобное расположение давало возможность, отдельно назначенным лучникам наблюдать со сторожевой башни за безопасностью ханской дочери. При каждой опасности и малейшей угрозе её жизни, стражники готовы были меткими выстрелами сразить неприятелей, а тех, кого они могли взять живым, ждала ханская кара. Солнечные блики, отражавшиеся от пруда, были знаком для всех тех, кто все еще сомневался в том, что надо держаться подальше от этого места, и что мог бы стать легкой мишенью, послушавшись этого закона. И несмотря на то, что пруд был одним из самых красивей-

ших мест в ханстве, многие все же старались обходить его за версту. Об этом месте были наслышаны заморские путешественники и чужеземные караванщики, но и они старались держаться подальше от заповедного пруда. Все боялись ханского гнева. Его влияние за годы правления распространилось далеко за пределами Орды.

Но случилось так, что незадолго до злополучного похода Тохтамыша против Тимура, ханскую дочь вдруг поразил непонятный недуг. Она стала вести себя странным образом. Практически каждую ночь Малике снились странные сны, и она временами переставала узнавать близких ей людей. Обеспокоенный хан, восприняв это как дурной знак, отправил во все концы караванных путей своих гонцов на поиски того, кто сможет исцелить его дочь. Искусному лекарю было обещано богатое вознаграждение, к стенам города Сарайджук потянулись знахари, маги, колдуны, врачеватели и целители. Среди них попадались шарлатаны и аферисты, которые думали, что они смогут и в этот раз обдурить людей и заработать на этом состоянии. Но в этот раз им не повезло. Обманщиков тут же волокли на городскую площадь и прилюдно отрубали головы, чтобы другим не было повадно наживаться на чужом горе, тем более на горе великого хана Золотой Орды.

Гнев Тохтамыша становился яростнее еще и от того, что его войско было собрано и готово к походу. Эмиры ждали команды, чтобы вести вперед, закрепленные за ними, боевые

отряды. Хан старался не показывать свое состояние окружению, но он сильно переживал, что его эмиры в один момент перестанут понимать своего предводителя, посчитают его слабовольным, взбунтуются и свергнут, а глядишь, под шумок и казнят. Но речь шла о жизни любимой дочери. Обстановка в ханстве накалялась, ожидание было смерти подобно как для дочери, так и для его репутации, а репутацию пришлось завоевывать с титаническими усилиями. Тохтамыш, не считаясь с огромным риском, все положил на алтарь победы – ум, силу, хитрость, он вынужден был наступать каблуком сапога на горло своей гордости, согласившись на опасное сближение с Тимуром. Но теперь все изменилось, и Тохтамышу надо было торопиться.

Вскоре во дворце появился незнакомец. Он представился охране как маг, готовый помочь ханской дочери. Охрана без лишних расспросов проводила его к ханскому визирю, чтобы тот мог обсудить и понять, чем он сможет помочь Малике, и как скоро он сможет приступить к работе. Маг был одет в обычную для того времени, хотя и весьма дорогую одежду – белую тунику и халат, расшитый тонкими золотыми нитями. Визирю маг показался каким-то чудным. С виду он был очень похож на знаменитого саманидского философа и ученого Ибн Сина, служившего придворным врачом у саманидских эмиров и дайлемитских султанов. Визирю много раз приходилось видеть в старинных книгах портреты Ибн Сина, неизменными атрибутами которого были тюрбан и кли-

новидная бородка.

Мага звали Абу Али. И, как уже было отмечено, на голове он носил белый тюрбан и у него была такая же, как у ученого Ибн Сина, клиновидная седая бородка. Визирь своим острым оценивающим взором заметил, что на ногах Абу Али были надеты мягкие и такие же дорогие, как и его расшитый золотыми нитями халат, кожаные сапоги с загнутыми кверху носками. Однако самой интересной деталью были круглые стекла в роговой оправе на носу у мага, сквозь толстые линзы смотрели на мир маленькие, хитро бегающие глазки.

– Если соблаговолит великодушный хан, то я смогу излечить его дочь, но... – стараясь говорить спокойным голосом, начал Абу Али, при этом его глазки продолжали бегать по лицу визиря, пытаясь высмотреть любой знак согласия, – но у меня есть одно желание.

– Я слушаю вас внимательно, – проговорил визирь, и ни один мускул на его лице не дрогнул.

– Если соблаговолит великодушный хан, – продолжил Абу Али, заметно нервничая, – если соблаговолит достопочтимый и великодушный хан, то мне, взамен того, что я исцелю его дочь, хотелось бы получить возможность доступа в книгохранилище города Сарайджук, где, по некоторым слухам, могут храниться несколько античных книг и рукописей из Александрии.

И в тот момент, когда Абу Али произнес эту фразу, он зачем-то взглянул на свое запястье с наружной стороны, а за-

тем, словно вспомнив о чём-то, быстро принялся тереть это место рукой, будто у него заболело запястье. Такое резкое движение Абу Али показалось визирю весьма странным. Он засомневался: откровенен ли маг, тот ли, за кого себя выдает.

– А для чего они вам понадобились? – тем же спокойным голосом переспросил визирь.

– Они нужны мне для моих трудов, – Абу Али очень старался быть убедительным.

Глазки мага уже не бегали по лицу визиря, а цепко впились в его глаза, словно он пытался внушить какую-то мысль. И возможно то, что в ответе Абу Али прозвучало слово «труды», оно сделало его ответ уверенным. Маг не стал говорить визирю, что эти книги чудом сохранились во время войны между царицей Пальмиры, Зенобией Септимой, и императором Аврелианом за господство над Египтом. Уцелели они и после эдикта римского императора Диоклетиана, повелевшего собрать все книги, учившие, как делать золото и серебро, и сжечь их. Римский император желал уничтожить все труды алхимии, а вместе с ними источники богатства. Он рассуждал так: если египтяне способны произвести сколько угодно золота и серебра, то они будут способны вооружить огромную армию и победить Римскую империю. Но некоторым книгам и рукописям повезло. Они уцелели и спустя века оказались в Сарайджуке.

Визирь глянул на Абу Али и велел подождать его. Ему необходимо было встретиться с ханом, чтобы обсудить

просьбу мага.

Шло время. Абу Али томился в ожидании, сидя на неудобном деревянном стуле во внутреннем дворике у резного фонтанчика, сложенного из плотного ракушечника. Похоже, он понимал, что сейчас важнее думать о том, что он сильно рискует своей жизнью, выходя с подобным предложением к хану. Один похожий случай однажды чуть не стоил ему жизни. Такое никогда не забывается: рабская метка, которую выжгли у него на затылке, иногда сильно ныла и причиняла не только физическую боль, но и боль душевную.

Абу Али сидел и в задумчивости поглаживал свой затылок. Сдвинув белый тюрбан на лоб, он словно пытался растереть вместе с рабской меткой все те неприятные воспоминания, которые нахлынули на него.

Но игра все же стоила свеч. И маг, очевидно, сильно надеялся на эти книги. Напряженное лицо Абу Али постепенно разглаживалось. По всей видимости его начали посещать хорошие мысли. Он постепенно успокаивался, словно потирание рабского клейма на затылке возымело чудотворное действие.

– Хан согласен, – неожиданно раздался голос визиря, заставивший встрепенуться Абу Али. – Хан согласен принять ваши условия и велит вам приступить незамедлительно к лечению его дочери.

И тут Абу Али, встав перед визирем, от облегчения слегка улыбнулся. Улыбка на его лице появилась, скорее, неумыш-

ленно, но осторожный визирь обратил внимание на неё, и его подозрение о том, что этот маг замыслил что-то очень серьезное и коварное, утвердилось. Он решил, что об этом он после непременно доложит хану.

В тот день хан Тохтамыш, несмотря на то что опасался всяческих засланных в город вражеских лазутчиков, все же доверился магу Абу Али и, вместе со своим многочисленным войском, отправился на войну с Тимуром. И как только на степном горизонте улеглись последние клубы пыли, Абу Али направился к пруду. Приближенные слуги ханской дочери принесли её к водоему в крытом паланкине, укрепленном на длинных шестах.

Абу Али велел слугам остановиться и ждать. Опустив паланкин у берега, слуги Малики стояли и в недоумении переглядывались. Не зная, что им делать, они посмеивались над чудаковатым магом.

Но вдруг началось такое, что заставило удивиться не только слуг, но и стражников, стоявших в ожидании рядом, и лучников, карауливших на близстоящих башнях. Они все с нескрываемым любопытством наблюдали за магом, как тот, подойдя к краю пруда, вынул из своей кожаной поясной сумки какой-то предмет, похожий на крупную морскую гальку, и что-то проделал с ней. К великому удивлению всех, у берега откуда ни возьмись появляется лодка: её корпус был изготовлен из металла, напоминавшего по своему цвету чистое золото. Вдобавок ко всему, она была исполнена в необычной

форме из крупных, прилежавших вплотную, панцирных пластин. Носовую часть золотой лодки украшала объемная пентаграмма темно-красного цвета. Она была впаяна в корпус судна.

Слуги и охрана сперва испугались. Они попятились немного назад, но, вскоре любопытство и восхищение взяли верх. Указывая на лодку, они живо обсуждали её формы и радовались, издавая ликующие возгласы, словно увидели перед собой изделие какого-то неземного происхождения, появившегося из далеких космических планет и галактик. По их удивленным лицам было видно, что они желали подойти к ней поближе, – дотронуться до неё, ощутить дорогой металл своими руками, но смельчаков среди них так и не нашлось.

Слуги продолжали бы стоять, разинув рты, если бы не резкий окрик Абу Али. Маг принялся поторапливать их, и те беспрекословно подчинились ему. Они приступили к перекладыванию Малики из паланкина в лодку. В этот раз никто из них уже не стал обсуждать поведение обнаглевшего мага. Никто не осмеливался задавать каких-либо вопросов Абу Али. Люди молча принялись следовать его указаниям. Они осторожно подняли Малику и, с опаской усадив ее в лодку на заднее сиденье, побыстрее покинули судно и вернулись на берег.

Абу Али, видя, как слуги, толкая друг друга в спины, пытаются поскорее сойти обратно на берег, усмехнулся. Но похожее было и с ним. Помнил ли он об этом? Лодка ведь и

его сильно удивила, и он растерялся от одного её вида. Хотя, чувство страха быстро сменилось другим чувством. И когда ему удалось поближе познакомиться с возможностями золотой лодки, он и вовсе осмелел, сунувшись с отчаянным предложением к самому хану Золотой Орды.

Он зашёл в лодку и с важным видом уселся поудобнее на переднем сиденье. Он что-то снова проделал со своим камнем и перед ним, откуда-то из внутреннего отсека в носовой части, прямо из-под его ног, что-то плавно всплыло на поверхность. Слуги, вышедшие только что на берег, были еще сильнее удивлены и напуганы, когда увидели этот предмет. Но так как они не знали с чем этот предмет можно было сравнить, они не понимали, что это вообще такое могло быть. Они стояли и, глядя заворуженно, хлопали глазами.

Этим предметом была всего лишь панель управления золотой лодкой. На ней был расположен широкий экран с сенсорными кнопками. У слуг не было объяснения этому предмету, их суеверное сознание воспринимало золотую лодку как нечто сверхъестественное, управляемое магом Абу Али. Слуги теперь не смели надсмехаться над ним, понимая, что он никакой не шарлатан, а самый настоящий волшебник, который, разозлившись, может заколдовать любого.

Абу Али, словно разглядев во взглядах людей мысли о нём, надулся еще больше от важности. Стекла его роговых очков покрылись легкой испариной. Ему, должно быть, в этот момент стало слишком жарко. Но спохватившись, Абу

Али тут же вернулся к панели управления золотой лодкой. Он выбрал что-то на ней, и в воздухе перед носовой частью появилось светящееся кольцо. Оно быстро расширялось, образуя некий проход. И в тот момент, когда портал широко открылся, послышались странные, жуткие звуки и появился мерцающий свет, или скорее вспыхивающие огоньки вокруг золотой лодки и расширявшегося портала.

Кто-то из слуг и охранников остались стоять, где стояли, и обезумевшими глазами глядеть на это зрелище, а другим удалось отскочить в стороны. Они попадали ничком на землю, уткнув лица в грязь или в песок, и принялись молиться небесам о прощении и сохранении. Они лежали долго, но постепенно начали осознавать, что наступила тишина. Те, кто стоял, уже сидели на земле и продолжали смотреть на то место, где только что стояло судно, мерно покачиваясь на воде у берега. Но пруд был пуст. Золотая лодка исчезла, а вместе с ней маг Абу Али и ханская дочь Малика.

Слуги и все те, кто были с ними в этот неблагоприятный день, понимали, что исчезновение ханской дочери им не сойдет с рук. Ханский гнев уже витал и сгущался в воздухе. И слуги, ожидая возвращения правителя, переговаривались между собой, спорили, хотели понять, кто был на самом деле этот Абу Али. Ведь он вытворял такие чудеса!

Бедные слуги вместе с охранниками, готовились теперь к объяснению о пропаже Малики, чтоб хоть как-то оправдать себя перед ханом за то, что не спасли его дочь. Они

продолжали спорить и переговариваться, до тех пор, пока кто-то один из них не воскликнул: Абу Али не кто иной как злой колдун, раз похитил дочь у самого хана Золотой Орды! Они были бессильным перед его колдовскими чарами! Спасая свои жизни, они обрадованно ухватились за эту версию, словно за спасительную соломинку. И теперь им оставалось дожидаться возвращения хана и усердно молить небеса, чтобы их молодая хозяйка все же вернулась обратно здоровой и невредимой.

И в один прекрасный день, когда в степи над Яиком взошло яркое теплое солнце и одновременно задул холодный ветер, хан Тохтамыш, обхитрив своих преследователей, вернулся вместе со своими нукерами в Сарайджук. Пребывая в ярости из-за предательства своих эмиров, хан ожидал гонцов, прогуливаясь по крепостной стене цитадели, находившаяся в восточной части города у обрывистого берега реки с неприступной оборонительной стеной, усиленной валом. От внутренней крепости на запад, север и юг тянулись многочисленные постройки и здания шахристана. Ровные кварталы, отходивших от городской площади по узким улицам, упирались в городскую стену, за которой располагался рабад – окраина города с торговыми и ремесленными предместьями, защищенных внешней стеной.

Рядом с ханом следовали его нукеры. Широкая глинобитная стена, окружавшая цитадель, была высокой. Хан временами останавливался и сам лично вглядывался вдаль, чтобы

увидеть не идут ли его люди. Они должны были доложить ему обстановку за Итилем, и о том, что предпримет Тимур. Сжав рукоять своего кинжала за поясом, Тохтамыш ходил взад и вперед в раздумьях. Он ходил по стене загнанным зверем от одного конца и до другого, от угловой башни из жженого кирпича – и обратно, к такой же башне с крепостными орудиями. Хан подходил к укреплениям и каждый раз вглядывался, словно думал о том, выдержат ли эти стены, эти бастионы с орудиями, осаду Тимура, если тот решит идти сюда на него. Время от времени он слегка мотал головой, наверное, понимая, что будет лучше не оставаться здесь и уйти к князю Витовту в Киев.

Хан шел по стене и продолжал думать о своем. На полпути он остановился и принялся снова всматриваться вдаль, пытаясь разглядеть гонцов. Его мысли перенеслись в прошлое. Хан с горечью вспомнил о первой битве с Тимуром у реки Кондурча¹⁷, состоявшейся летом 1391 года. Как и в недавнем бою у реки Терек, армия Тохтамыша тогда потерпела серьезное поражение, и ему пришлось бежать с поля боя. Но победа Тимуру в той битве досталась нелегко. Он не стал развивать успех сражения и, не тронув города Золотой Орды, сразу же вернулся с армией в Самарканд. Сила империи Тохтамыша после битвы у Кондурчи продолжала оставаться огромной. Несмотря на разгром, хану удалось собрать еще одну армию, с которой он выступил повторно, но неудачно.

---

¹⁷ Река, протекающая по территории Самарской области и Татарстана.

Тохтамыш понимал, что Тимур на этот раз не вернется к себе на родину, не уничтожив Золотую Орду до основания. Бессмысленно было просить с ним встречи и писать письма, моля о пощаде. Да и сам он на такое вряд ли бы пошел.

Хан Тохтамыш еще ходил так некоторое время, пока не вспомнил о своей дочери.

«Из-за этой проклятой войны я совсем позабыл о своей Малике. Как она там? Помог ли ей этот маг?» – подумал Тохтамыш.

– Где визирь? – крикнул он одному из своих нукеров.

– Он здесь, великий хан, – проговорил нукер, приложив ладонь к сердцу и слегка поклонившись. – Ждет вашего распоряжения. Великий хан прикажет звать его сюда?

Однако визирь не заставил себя долго ждать. Он догадался, что хан желает его видеть, и тут же направился к нему, чтобы начать свой доклад. Тохтамыш, почувствовав неладное в поведении своего визиря, начал догадываться, что что-то произошло с дочерью.

– Великий хан! – начал визирь, обратившись к Тохтамышу тем же жестом, как и нукер, покорно поклонившись. – Мой великий хан, прошу вас помиловать меня и не велеть казнить, ибо я принес вам худую весть...

От этих слов хана Тохтамыша слегка передернуло, и что-то холодно сжалось в груди. Ему было неприятно выслушивать визиря. Для Тохтамыша, испытавшего очередное поражение от Тимура, было теперь достаточно одного неверно-

го слова или движения, чтобы он вспыхнул в гневе. Он еле сдерживал себя.

– ...ваша дочь Малика исчезла. Этот маг Абу Али, оказавшийся прохвостом, украл её... – продолжил визирь. – ...они сели в лодку и исчезли на глазах у слуг и охраны. Их нет уже несколько дней, с тех пор как вы ушли на войну.

Услышав об этом, хан рассвирепел. Он готов был выхватить свой кинжал и начать крушить всех и все вокруг. Наверное, хан это и принялся бы делать, но визирь не замолчал:

– Великий хан! – визирь снова покорно поклонился. – Великий хан, не велите казнить, но я также хотел бы сообщить вам о своих подозрениях по поводу странного желания этого мага Абу Али найти что-то среди старинных книг и античных рукописей, доступ к которым он просил у вас.

Хан, и без того уже разъяренный, глянул грозно на визиря. Его рука еще сильнее сжала рукоять кинжала, который он готов был теперь выхватить в любой момент, и он проговорил сдавленным от едва сдерживаемого гнева голосом:

– Неужели ты хочешь сказать, что упустил что-то перед тем, как отпустить мою дочь с этим проходимцем?

Визирь, ожидавший услышать эти слова, еще раз поклонился и спокойным голосом сказал:

– О, великий хан! Мне кажется, что этот маг Абу Али должен будет в скором времени вернуться обратно.

– Кажется?.. – тем же сдавленным голосом спросил Тохтамыш.

– Я не могу сказать, куда они вместе с вашей дочерью Маликой исчезли, – таким же спокойным голосом продолжил визирь. – Но я уверен, что они должны будут появиться скоро. Помня его лицо, я могу с твердостью заявить, что те книги и рукописи, о которых он просил, ему сильно нужны для чего-то. Я пока не знаю для чего именно они ему понадобились, но если вы дадите мне время, то я непременно об этом узнаю. Единственное, нам надо будет дождаться его появления.

– Нет у тебя времени, визирь! – рявкнул Тохтамыш. – Ты что, не понимаешь, что со дня на день здесь может появиться Тимур со своей армией и тогда у нас у всех не будет времени на что-либо...

– Мой повелитель! – еще ниже склонился визирь, пытаясь рискуя головой объяснить хану о своих подозрениях. – Нам надо дождаться мага Абу Али. Его необходимо изловить и выведать для чего ему понадобились эти книги. Я уверен, что он является засланным шпионом.

Но хану это всё не понравилось. Он уже не слушал. Его интересовало одно: казнить всех тех, кто принимал участие в этом деле, повлѣкшем за собой исчезновение его любимой дочери.

В тот же день несчастных слуг ханской дочери и охранников отвели на площадь и казнили. Пруд по приказу хана был огорожен от любопытствующих глаз высоким забором. Была выставлена новая стража, которая должна была схватить

Абу Али, как только он появится.

Абу Али теперь ждала смертная казнь. Учитывая, что хан ни разу не отменял своих приказов, маг не мог надеяться на пощаду.

Глава 3. Мансур и Баубек.

Весна 1991 года. Сарайшык. Гурьевская область. Казахстан.

Последние островки снега сползли в овраги и совсем в них растаяли. Степь покрылась тюльпанами. Их красные, желтые, фиолетовые и бирюзовые, и даже белые, с жёлтой каймой внутри цветы простирались полями до самого горизонта.

Цветение тюльпанов в этом году началось раньше срока. Обычно это происходило во второй половине апреля или даже в начале мая. Но в этот раз тюльпаны явно проявили свой дикий степной нрав и своим скорым появлением старались оповестить всю округу о начале новой жизни.

Тюльпаны в этом году зацвели и недалеко от села Сарайшык. Хотя старожилы поговаривали, что такое явление достаточно редкое для этой местности, но небольшие пёстрые цветочные ковры все же раскинулись в степи за двухполосной автомобильной трассой, тянувшейся узкой лентой между Гурьевом и Уральском¹⁸.

Старая ухабистая дорога, соединявшая собою два областных центра, пролегла в пяти километрах от села, распо-

---

¹⁸ Город в Западном Казахстане, на реке Яик (Урал). Административный центр Западно-Казахстанской области, расположен на северной окраине Прикаспийской низменности.

лагавшегося у самого берега реки Яик. Село насчитывало несколько сотен частных дворов, в которых, согласно недавней переписи населения, проживало около двух тысяч человек. В селе был свой детский сад, средняя школа и профессионально-техническое училище. Взрослые сельчане, следуя местным традициям, продолжали заниматься сельским хозяйством, животноводством и рыболовством, но среди них появлялись и те, кто, подвергшись влиянию непростого времени, подался в коммерцию, принявшись возить товары из заграницы и торговать ими на городском рынке или распространять через знакомых.

Люди выживали как могли. Надо было кормить себя и свои семьи.

Мансур с Баубеком жили в соседних домах, в самом центре села. Их улица спускалась в сторону Яика, но, не дойдя до воды метров триста, резко уходила вправо и огибала крайний двор с домом, словно пыталась догнать реку где-то уже за поворотом и слиться с ней там в одном потоке. Этот крайний дом, сиявший свежесвеженными стенами и голубыми оконными рамами, принадлежал родителям Баубека.

Мансур вышел со двора на улицу и, глянув на трехэтажное здание школы из силикатного кирпича за перекрестком, торопливо направился к дому своего друга.

Сегодня был выходной. Радуюсь этому, мальчик представил, как скоро окажется на пастбище у дедушки и примется рассказывать ему о золотой лодке. Наверное, дедушка уди-

вится и захочет посмотреть на неё. Что если он слышал об этой лодке раньше? Ведь он воевал, а на лодке была звезда, и это значит, что она военная.

Мансур шел мимо соседских дворов. За штакетниками оград с обеих сторон улицы стояли одноэтажные саманные домишки и сараи. Некоторые из них выглядели неухоженными: четырехскатные крыши покосились со временем, и штукатурка на стенах облупилась. Рядом с домами не росло ни одного деревца, ну а если и росло что-то, то выглядело сухой и будто наспех воткнутой в землю корягой с непонятной целью – то ли отпугивать кого-то из прохожих, то ли, наоборот, заманивать сюда нечистую силу.

Но были и дворы, в которых дело обстояло намного лучше. Дома в таких дворах были опрятными, с аккуратно покрашенными заборами. Рядом с ними росли подстриженные кустарники и садовые деревья с побеленными снизу стволами. Приятно было смотреть, глаз радовался. В палисадниках были вскопаны трудолюбивыми хозяевами ровные грядки. Там же, рядом с грядками, горела кучка прошлогодней листвы и опавших веток. Дым от костра распространялся по улице и, смешавшись со свежим воздухом, приятно защекотал ноздри мальчика. И он подумал, что завтра обязательно, как только вернется домой, первым делом начнет приводить в порядок свой двор. Дедушке будет приятно видеть чистоту!

Мансур очень любил и уважал своего дедушку. С ним у него была особенная связь. Старик Камбар заменил маль-

чику отца, помогая Мендеш поднимать сына на ноги и прививать ему необходимые мужские качества. Старик был для внука и старшим товарищем, и наставником, и даже другом. Подсказывал и советовал, а порой направлял его на то, как лучше поступить или повести себя в той или иной ситуации. Изредка Камбар мог быть строг с ним, но он никогда не был суров к мальчику. Мансур чувствовал любовь и заботу деду, он доверял ему свои секреты, обсуждал с ним многое, делился своими проблемами в школе и дома. И сейчас был тот момент, когда Мансур больше всего нуждался в совете дедушки. Ему не терпелось рассказать о своем сне, о том, что видел в нем золотую лодку и средневековый город. Мальчик начинал понимать, что в том городе он побывал наяву, но не был уверен, что с этим делать.

Из школьных уроков по истории мальчик знал немного о прошлом этого города. Являясь одним из крупных городов в Золотой Орде, Сарайджук не случайно был когда-то построен у реки Яик, недалеко от их села, на том месте, где сейчас лежали развалины. Подобное расположение города было стратегически важным для средневекового государства не только с торгово-экономической точки зрения, – оживленный узел на караванных путях, пролегавших в степи, – но и в военно-политическом плане тоже. Малый ханский дворец в Сарайджуке, в сравнении с новым и большим по размеру ханским дворцом, находившимся в Сарай Ал-Джеди-

де¹⁹ – столице Золотой Орды, становился запасной ставкой хана на случай затяжных конфликтов и войн.

Похожее произошло в Советском Союзе, когда город Куйбышев²⁰, принял на себя бремя и честь стать запасной столицей в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Осенью 1941 года туда из Москвы переехала большая часть руководства страны и были эвакуированы военные предприятия, превратив провинциальный городок в один из важнейших центров военной промышленности, где был налажен выпуск военной техники и боеприпасов. Своим удачным расположением, – место пересечения крупнейших транспортных артерий и отдаленность от любой границы на тысячи километров, – город Куйбышев становился форпостом на берегу Волги, определившим границу, дальше которой советские войска не могли отступать. Они стояли там насмерть, сражаясь под Сталинградом.

Такая же роль, похоже, была отведена в свое время и Сарайджуку. За свое более чем двухсотлетнее существование, город на реке Яик не раз подвергался нападениям, осадам, шпионским и диверсантским вылазкам и даже полному уничтожению. Истории известны случаи, когда Малый дворец разрушался до основания в столкновениях с правителями других государств, но спустя время выстраивался заново и

---

¹⁹ Новый Сарай (также, по одной из версий, Сарай-Берке) – средневековый город, столица Золотой Орды с начала XIV века.

²⁰ Город Самара

буквально возрождался из пепла. Сарайджук снова притягивал к себе путешественников и караванщиков со всего мира. И несмотря на свои высокие оборонительные стены с бойницами для орудий, он, в первую очередь, был торговым, ремесленным и культурным центром Золотой Орды.

Город Сарайджук объединял средневековые цивилизации Востока и Запада. Сюда съезжались купцы и торговцы из разных уголков мира. Многочисленные караваны с тюками и поклажами стекались из королевств в Европе, княжеств на Руси; караваны шли из Индии, из Китайской империи и халифатов на Аравийском полуострове. Путешествующие, оставив свои повозки и вьючных животных, разномастных верблюдов, ослов, мулов и лошадей, в специально отведенных местах вблизи с караван-сараями²¹, подряжали носильщиков, и те сносили товары на городские базары. Торговые ряды базаров заставлялись диковинными вещами и экзотическими продуктами. Начинался оживленный и бойкий торг.

Активная торговля подтверждалась найденным во время раскопок богатым нумизматическим материалом. Различные монеты из серебра и меди были украшены извилистой арабской вязью. Из тех монет, что сумели сохранить свой первозданный чеканный вид, можно было узнать о многом: они становились краткими историческими летописями. За-

---

²¹ Большое общественное строение в Средней Азии и на Востоке, служащее кровом и стоянкой для торговых караванов.

прет по изображению на монетах обликов животных и людей не всегда соблюдался в Золотой Орде. Различные медные пулы и серебряные дирхемы, ходившие в повседневном обиходе среди горожан и приезжих, имели изображения хищных зверей, птиц или воинов. На лицевой стороне монет имелись титулы и имена правителей с пожеланием ко всевышнему продлить их жизни и годы правления. На оборотной стороне монет указывались время и место чеканки. Эта информация свидетельствовала о существовавшем в городе Сарай-джук собственного монетного двора.

Но помимо торговли в городе были налажены и металлургическое производство, и гончарное дело, существовали мастерские по изготовлению ювелирных изделий. Характерные для этой местности предметы быта, боевые оружия и орудия труда, найденные при археологических раскопках, проводившихся на развалинах городища незадолго до войны и в последующие годы, свидетельствовали об этом. Археологи находили керамические изделия, фрагменты амфор и фарфоровых чаш, большое количество изделий быта и искусства, изготовленных из кости редких животных, железа, серебра и бронзы.

Культурно-исторические слои археологического памятника уходили глубоко в землю и таили в себе ещё много секретов прошлого.

Разные народы приходили в степь, принося с собой знания, традиции, опыт и кровь. Сменялись правители, а с ни-

ми сменялась их многочисленная свита и слуги. Приходила новая вера, а вместе с этим новые законы, обычаи и традиции. Разрушались города, и на их месте воздвигались новые. Каждый из правителей желал оставить о себе память в народе. Так и проходили века, уничтожая и рождая новые города, а затем снова их рождая и снова уничтожая. Потомкам оставались развалины, как на городище у реки Яик, высота стен которых была уже ничуть не выше колена взрослого человека.

Мансур подошел к дому Баубека. Он отворил калитку и зашел во двор.

«Если это был Сарайджук, – подумал мальчик, – то, какая связь тогда у этого города с золотой лодкой? И при чем здесь звезда на носу?»

Во дворе стоял чистый и опрятный «Жигуленок» дяди Казыбека – отца Баубека. «Смотри, как сияет. Наверно утром помыл», – подумал Мансур. Он поднялся на крыльцо и постучал. Мгновение спустя дверь отворилась, и за ней появилась Айман – мама Баубека.

– Тетя Айман, здравствуйте! – быстро поздоровался Мансур. – Он не ожидал ее увидеть: мать Баубека часто летала в Турцию и Польшу за товаром.

Айман приветливо улыбнулась и торопливо проговорила: – А, Мансуржан, здравствуй, сынок! Заходи, дорогой, заходи.

В гостиной Мансур увидел дядю Казыбека. Тот полулежал

на корпе²², расстеленном на полу у круглого стола на низких ножках, и, устало попивая чай, смотрел какой-то шумный фильм по телевизору, к которому был подсоединён видеомагнитофон. Аппаратура стояла в углу комнаты на сундуке.

Где-то около полугода назад отец Баубека уволился с работы и занялся частным извозом. Семья разбогатела.

Бросив на Мансура безразличный взгляд, Казыбек коротко поприветствовал его и, сделав неспешный глоток чая, снова уставился в экран телевизора, держа пиалу с чаем у своего рта.

– Баубек все еще спит, они с отцом ездили ночью в аэропорт, меня встретили. Я сейчас разбужу его. А ты пока давай пить с нами чай. Присоединяйся к дяде Казыбеку. – Пригласила Айман.

– Хорошо, – нехотя ответил Мансур, желая поскорее отправиться к дедушке. – Я только руки сполосну.

Айман налила чай в пиалу и, подав ее Мансуру, принялась пододвигать к нему разные кушанья.

– Вот, – говорила она, улыбаясь. – Отведай дары заморские.

Слегка полноватая, Айман была очень подвижной и красивой женщиной. Но ее чрезмерная активность порой, как казалось Мансуру, цепляла собою все кругом и заставляло резонировать в такт. Её суетливость сразу начинала передаваться окружающим, и через некоторое время им станови-

---

²² Казахский напольный матрас.

лось не совсем комфортно находиться с ней рядом, они мечтали только об одном, как бы поскорее сбежать куда подальше от этой женщины. Она любила много говорить и за этими разговорами могла часами обмусоливать одну и ту же тему с разных сторон.

Мансур поблагодарил и уткнулся в пиалу. Он всегда чувствовал себя неловко среди взрослых. «Скорее бы проснулся Баубек!» – он взглянул на Айман умоляюще. Та кивнула и ушла в соседнюю комнату.

Казыбек видимо расценил взгляд Мансура по-своему. Привстав, он протянул ему обе руки и проговорил басовитым голосом:

– Давай-ка мы, как следует по нашим обычаям, нормально поздороваемся что ли? Давно ведь не виделись. Как ты поживаешь?

Спросив об этом Мансура, Казбек слащаво улыбнулся. Улыбка настолько не соответствовала его комплекции и голосу, что Мансуру стало неудобно.

Казыбек, словно прочитав его мысли, снова напустил безразличное выражение лица и продолжил:

– Как дедушка? Как мама с сестренкой?

– Все хорошо, – ответил Мансур. – Мама с Райхан дома, а дедушка на пастбище. Хочу навестить его. Вот пришел, чтобы предложить Баубеку сходить туда вместе.

Мансур начинал сердиться на друга и на себя: сам виноват, что не предупредил его, вот теперь сиди и жди!

Казыбек нажал кнопку на пульте и поставил фильм на паузу. Придвинувшись вплотную к Мансуру, да так, что его массивный подбородок навис над краем стола, он пихнул кулаком подушку под локоть и сказал:

– Это хорошо, что хочешь навестить старика. Передай ему от меня большой привет.

И немного подумав, добавил:

– Да, кстати, Баубек не говорил нам, что собирается к старику Камбару в гости.

– А я сам только вчера перед сном решил сходить, – ответил Мансур. – Не успел ему еще об этом сказать. Но, чтобы одному не было скучно, хотел предложить ему сходить со мной.

Мансур почувствовал неладное в настроении дяди Казыбека, но все же спросил:

– Вы не будете против?

– Ну ладно, пускай ходит, – пробурчал Казыбек, – Заодно посмотрит, как там поживает старик.

Его слова будто бритвой полоснули по сердцу Мансура – неприятно, почему Казбек начал говорить о его дедушке подобным тоном.

Но тот гулко захохотал и, посмотрев на Мансура исподлобья, проговорил своим басовитым голосом:

– Пусть внимательно стережет там наших овец, а то в прошлом году волки задрали одну из них. И это произошло весной. Представь себе, это произошло не холодной зимой, а

весной! Напали и задрали! А где твой дед был в это время – спал, небось, в своей юрте?

Казбек яростно ткнул подушку кулаком, загнав её поплотнее под локоть, и воскликнул:

– И ведь до сих пор никто так и не восстановил нам эту потерю!

Казыбек снова улегся на корпе и продолжил смотреть свой фильм. Он лежал, положив обе руки на свое пузо, которое периодически вздымалось, когда он дышал.

Мансур сидел за столом и молчал. Слова дяди Казыбека вогнали его в ступор. Ему не понравилось, как отец Баубека отчитывал его дедушку, словно какого-то мальчишку-сопляка. Пускай тот не углядел за его овцой, но как смеет Казыбек отзываться так о пожилом человеке, его односельчанине, а тем более, о ветеране войны! Мансур был крайне возмущен и теперь начал жалеть, что зашел к другу. Надо было сразу идти к деду! Хотя, если бы Баубек узнал, что Мансур ушел без него, то обязательно обиделся бы на него за это.

«Придется ждать, – подумал Мансур. – Ну, где же он?»

В этот момент в гостиную выскочил заспанный Баубек. Волосы у него на голове были взлохмачены. Мансур оживился и, мысленно воскликнув: «наконец-то!», – обрадованно заерзал за столом, словно готовясь всем телом к старту, чтобы одним прыжком выбежать на улицу.

Он посмотрел на Баубека и, нахмутив брови, резким кивком дал понять другу, что надо идти.

Баубек скрылся в прихожей, несколько секунд громыхал умывальником. Заглянул в комнату и подал знак Мансуру, чтобы тот вставал из-за стола. Но Айман опередила сына и велела сесть за стол и позавтракать. Баубек, схватив пару бутербродов, быстро поблагодарил мать:

– Рахмет²³, мамочка! Мы по дороге съедим...

Айман торопливо завернула бутерброды и подала сверток сыну.

Друзья громко попрощались с родителями и выскочили на улицу. Мансур понимал, что уважает их, ведь они были родителями его друга, но вместе с этим мальчика стали доносить и другие мысли, которые он тщетно старался отогнать. Ему не нравилось то, как разговаривали и вели себя взрослые. Мансур чувствовал себя неуютно в их обществе, он не понимал, правильны ли его мысли по отношению к ним. Он стеснялся своих мыслей и не знал, как надо вести себя в подобных ситуациях.

«А потерю этой проклятой овцы, – думал мальчик, – я обязательно возьму. Как только начну зарабатывать, я куплю ему двух, нет, даже трех овец».

От этих мыслей у Мансура стало спокойней на душе. Он слегка улыбнулся и даже чуть просветлел. Да и дядя Казыбек казался ему теперь не таким уж злым, а обычным уставшим и ворчливым мужиком.

Покинув дом, ребята первым делом отправились пешком

---

²³ Каз. Спасибо.

к одинокому карагачу, у которого вчера оставили свои велосипеды. Они вышли на вчерашнюю проселочную дорогу, которая вела также в сторону пастбища, находившегося ближе к селу Жалгансай. Старик Камбар предпочитал пасти сельских овец в том месте. Если верить ему, то трава там была намного сочнее, да и отсутствовала надоедливая мошкара.

Друзья шли по дороге. Яик еще больше наполнился водой, охватив собою тугайные леса. Кусты дженгила²⁴, росшие в сторонке, теперь понуро торчали в воде, раскинув на ее поверхности свои тонкие веточки. Вода совсем вплотную подошла и к одинокому карагачу, у которого стояли велосипеды. Почки на ветках дерева успели набухнуть, вот-вот собирались лопнуть и выпустить наружу листочки. Зеленая травка на земле пробивалась к яркому солнцу. На берегу бегали трясогузки, шустро снуя у воды, вылавливали мелких насекомых. В синем и безоблачном небе летали жаворонки, разрывая весенний воздух своими трезвонящими голосами.

Ожившая природа подействовала на Мансура умиротворяюще. Мальчик окончательно отошел от недавнего общения с родителями Баубека и уже забыл о своей обиде на дядю Казыбека. В этот момент он даже старался не думать о золотой лодке, всячески отгоняя возникавшее желание свернуть с дороги и вернуться к ней.

Оседлав свой велосипед, Мансур ощутил, словно у него за спиной появились крылья, и он теперь сможет быстро до-

---

²⁴ Тамариск

мчаться до дедушки, компенсировав утерянное за завтраком время. Он нескрываемо радовался, что рядом с ним находится его друг, в котором он ценил надёжность, открытость и храбрость. Когда надо было постоять за себя или за другого, то Баубек не оставался в стороне.

Баубек катил рядом с Мансуром на своей «Каме» и о чём-то рассказывал ему. Выехав на дорогу, они взяли курс на пастбище. Мансур крутил педали и, изредка поглядывал на друга. Он вспомнил об их прошлогодней стычке с хулиганами. Это произошло после уроков рядом со школой. В то время из соседних сёл повадилась приходить к ним в школу группа старшеклассников. Они собирали с местных ребятшек дань, подсаживая их на «счётчик». Подобный способ отъема денег у младшеклассников был широко распространён, ничем не отличаясь от средневековых устоев, – и когда кто-то из этих беззащитных мальчиков, по разным причинам, не мог в назначенный срок отдать хулиганам деньги, должника избивали и его долг вырастал, накручиваясь на счётчике, как таксомоторные километры в автомобиле дяди Казыбека.

В один из дней, после окончания уроков, Мансур с Баубеком вышли на школьный двор и обогнув здание, направились к потайному проходу в заборе – он выводил прямо на их улицу. Как вдруг неожиданно наткнулись на сидящих там на корточках хулиганов. Их было человек восемь – достаточно для того, чтобы напугать кого угодно. Друзья на миг остано-

вились, почувствовав опасность, исходившую от хулиганов, но, быстро взяв себя в руки, спокойным шагом проследовали дальше, стараясь обойти сидящих.

Но, не успели они сделать пару шагов, как один из хулиганов встал в стойку и, свесив руки вниз, словно взбешенный орангутан, рывкнул в их сторону:

– Эй, братишки, я чё-то не понял? Сюда подошли, оба!

Грубый тон хулигана был приказным. Он подходил к друзьям, распрямляя на ходу спину.

Мансур с Баубеком, не желая прослыть жалкими трусами, остановились и, быстро развернувшись, пошли хулигану навстречу.

Бесстрашный вид ребят заставили хулигана ненадолго зашекетиться. Тот переступил пару раз с ноги на ногу и на долю секунд взглянул на своих дружков, будто тем самым просил их, чтобы те, на всякий случай, поднялись и стали с ним рядом.

Подойдя к хулиганам поближе, Мансур с Баубеком встали вплотную друг к другу, ощущая свои плечи, и, готовые отразить нападение, спокойно спросили, что от них хотели. Самый старший из них неспеша поднялся с корточек, оттолкнувшись руками о колени, и подошел к ребятам. Вынув изо рта недокуренную сигарету, он резким щелчком пальцев отбросил ее в сторону. Было похоже, что он недавно вышел из тюрьмы, или научился этому трюку у своих старших приятелей и теперь изображал из себя бывалого рецидивиста.

Мансур успел подумать, что хулигану удачно подошла бы кличка «Бывалый» и нервно ухмыльнулся.

– Ты, братишка, почему так ведешь себя? – затянул свой вопрос Бывалый, обращаясь к Мансуру. – Не уважаешь старших, что ли?

Бывалый заводился. Было видно, что его распирало от злости.

– Таких как ты, – зашипел он, сверкая глазами, – я на зоне, как клопов, тапочками прихлопывал, а ты тут проходишь мимо меня и не здороваешься.

– Я в своем районе со всеми, кого знаю, очень даже приветлив, – чуть взволнованно ответил Мансур. – Но тебя я вижу в первый раз.

– Что ты сказал? – завопил Бывалый. – Ты смерти ищешь? Ну так ты её нашел!

От этих слов Баубеку сделалось не по себе. Мальчик напрягся всем телом и приготовился к худшему. И только он подумал об этом, как Бывалый ударил кулаком Мансура в лицо. Но то ли удар был недостаточно сильным, то ли Мансур был достаточно вынослив, но он устоял на ногах, лишь налетев плечом на Баубека.

Завязалась драка. Разозлившись, Мансур подскочил к хулигану и нанес ему ответный удар. Бывалый опешил от такой прыти. Не ожидая, что моментально получит сдачу, он пропустил сильный удар в голову и без чувств упал на землю. Дружки Бывалого тут же набросились на Мансура с Бау-

беком и принялись избивать их, стараясь свалить на землю. Друзья отбивались от хулиганов как могли, изредка доставая их лица и тела своими ответными ударами. Но противостояние было недолгим, хотя друзьям казалось, что оно длилось вечность. В один момент Бывалый очнулся и, вскочив на ноги, выхватил из-за пазухи нож. Сквозь дерущихся он подобрался к Мансуру и полоснул его по животу. Мальчик сперва не понял, что произошло. Ему показалось словно что-то очень больно ужалило его в живот. Он схватился за это место и рухнул на колени. Наступила тишина. Хулиганы начали отходить от раненого Мансура, птясь все дальше назад.

После Баубек рассказывал Мансуру, что тоже сперва не понял, что произошло. Но когда увидел, как тот истекает кровью, принялся истошно орать на хулиганов, вогнав их в страх, и бросился помогать другу. Мансур терял сознание, а напуганные хулиганы ринулись прочь со школьного двора. Недолго думая, Баубек поднял на руки Мансура и понес его в сельскую больничку, беспокоясь, что друг может умереть от потери крови.

Об этом случае Мансур все время помнил. Он очень ценил смелый поступок своего друга. В особенности, он почему-то вспоминал об этом случае и поступке Баубека тогда, когда начинал злиться или собирался обидеться на друга из-за чего-то. И вот сейчас, когда они катили на своих велосипедах по дороге, воспоминания и чудесная погода окончательно растворило все его невзгоды и дурные мысли. Он сно-

ва взглянул на Баубека, который с озабоченностью говорил об их вчерашней находке, и понял, что тот всего лишь беспокоится за них обоих.

Мансур, пытаясь подбодрить и, одновременно с этим, отблагодарить своего друга, подкатил к нему поближе и, дотянувшись рукой до его головы, по-дружески потрепал сухие рыжеватые волосы. Он это сделал ещё и потому, что тот не стал рассказывать своим домашним об их находке.

Баубек, приняв дружеский жест Мансура, продолжил говорить о золотой лодке. Мансур избегал разговора на эту тему. Но Баубек не сдавался и сыпал вопросы.

– Мансур, расскажи, что ты увидел, когда находился в золотой лодке? – с нескрываемым любопытством интересовался он. – Ты выглядел растеряно и мне показалось, что ты увидел там кого-то или что-то. Ты ведь даже не мог говорить, когда появился обратно в лодке, и на тебе не было лица.

Мансур посмотрел на Баубека и сильнее закрутил педалями. Баубек не отставал от него и, запыхавшись, старался догнать друга. Его быстрая «Кама» легко неслась по песчаной проселочной дороге, оставляя за собой небольшие клубы пыли.

– Я очень сильно за тебя испугался и переживал, – не унимался он. – Ты там что-то увидел, ведь так?

Но Мансур молчал и, пригнувшись к рулю, поддал обороты. Мальчик хотел сохранить свои слова для бабушки, чтобы сейчас по дороге не растерять ни одного из них, делаясь ими с

другом. Он желал донести каждое из них в сохранности и постараться найти на них ответы. Помимо этого, невольные думы о золотой лодке лишний раз заставляли его оглядываться по сторонам. Ему казалось, что она, словно живая преследует их, крадучись по степи среди кустов. Мальчик осторожно глянул туда, а потом перевел взгляд в сторону реки. Неужели снова стены средневекового города! Но никакого города у реки, конечно же, не было, а только лишь очередная гряда тугайного леса, стоявшая безмолвно в воде.

– Потерпи Баубек, – не выдержав заговорил Мансур. – Давай доедем до Камбара и послушаем, что он скажет нам об этом. Это он с виду кажется таким простым, но на самом деле он знает о многом. Ему довелось многое повидать в жизни.

Немного помолчав, словно подумав о чем-то, и заодно переведя дыхание, Мансур продолжил:

– Кстати, ты знаешь, что мой дедушка воевал с фашистами?

– А то! – громко ответил Баубек. – Он был на прошлогоднем параде в орденах. Я его видел на возложении цветов у обелиска в нашем парке.

– Я не имею ввиду саму войну, – продолжил Мансур. – Я имел в виду бой, который произошел недалеко от нашего села в мае 1944 года. Слышал о таком?

– Бой? – удивился Баубек. – У нашего села?

Мансур глянул на Баубека. Но увидев удивленную грима-

су на его лице, расхохотался.

– Ну, как бой, – поспешил он успокоить его. – Это была перестрелка между нашими милиционерами и немецкими диверсантами. Они прилетели сюда на самолете и спрыгнули с парашютами. Они ещё планировали провести диверсии в Казахстане и даже поднять восстание среди местного населения.

Баубек еще больше удивился. Похоже, он, действительно, впервые слышал об этом и его удивление начало переходить в возмущение.

– А почему ты мне об этом никогда не рассказывал? – бросил он на Мансура обиженный взгляд. – Другом ещё называешься!

– Извини, Баубек, – попытался оправдаться Мансур, – но я сам об этом узнал случайно от бабушки. И потом, он просил меня никому об этом не говорить. Хотя, я думаю, что об этом знают только те односельчане, из его поколения, которые еще остались в живых. Но таких с каждым годом становится все меньше.

Баубек прибавил хода и принялся догонять Мансура.

– Ну так вот, – продолжил Мансур, увидев, что Баубек поравнялся с ним. – Дедушка Камбар был участником того события, а вернее боя, прилетев с ними вместе сюда. Он затем помог нашим справиться с врагом. Была перестрелка, кого-то убили, кто-то из них сдался в плен.

– Так получается, что твой дедушка был у немцев в Гер-

мании? – логично спросил Баубек. – Он был разведчиком что ли?

– Не знаю, – ответил Мансур. – Наверное.

– Получается, твой дедушка герой! – воскликнул обрадованно Баубек. – И мы с тобой сейчас едем к нему в гости!

– Конечно, герой! – спокойно ответил Мансур, никогда не сомневавшийся в этом. – Но только прошу, ему об этом не говорить и не спрашивать ни о чем касательно этой темы, если он сам не станет о ней говорить.

Договорившись, друзья продолжили свой путь на пастбище.

Мальчики свернули с дороги в сторону степи, по которой тянулась автомобильная трасса, и перед ними открылась картина, в центре которой находилась небольшая юрта старика Камбара, покрытая выцветшим войлоком. Юрта стояла на фоне высокого голубого неба и бескрайней степи. Вдали за юртой виднелись телеграфные столбы. Издалека они казались маленькими и торчали ровным рядом вдоль автомобильной трассы. У самого жилища старика на вкопанной в землю, потемневшей от времени и непогоды, доске висел умывальник. Недалеко от юрты находился самодельный дощатый навес с топчаном. В прошлом году Мансур помогал дедушке привезти доски из села и сколотить этот навес. Мальчик вспомнил об этом и ему стало тепло и приятно.

Ребята подъехали к юрте. Рядом с ней стоял чей-то «Уазик» с потертой надписью на боку «Прикаспийская комму-

на», но внутри автомобиля никого не было. Не было никого и поблизости.

– Это журналист, – сказал Мансур. – Он приехал из города. Мне мама говорила, что у деда собирались взять интервью.

– Ух ты! – воскликнул Баубек. – Я же говорил, что он герой. Им уже пресса интересуется, а ты говоришь, что никто не знает.

Мансур проигнорировал слова Баубека и заглянул внутрь юрты.

Шанырак²⁵ на верху жилища старика был открыт и свет от солнца, проходивший сквозь него, хорошо освещал внутренность помещения. Убранство было простым, но в нем присутствовал порядок. Пол жилища был застелен состарившимися текеметами²⁶ и алашой²⁷. У дальней стены, напротив входа, стояла кровать старика с застеленной постелью. Слева от кровати находился старомодный деревянный платяной шкаф, а справа стоял старый сундук со сложенными на нем казахскими напольными матрасами-корпе. Над кроватью висела потертая домбра. Ближе ко входу стоял старинный кебеже²⁸, в которых кочевники хранили продукты, с простень-

---

²⁵ Круглый проём в виде решётчатой крестовины на вершине купола юрты, скрепляющий жерди её конструкции.

²⁶ Текемет – войлочный ковёр

²⁷ Алаша – безворсовый ковёр

²⁸ Подобие деревянного сундука для хранения продуктов питания.

ким набором посуды, сложенными на крышке.

Вдохнув знакомый запах обветшалой кошмы и крепкозаваренного чая, Мансур произнес:

– Деда, ты здесь?

– Скорее всего, за стадом ушел, – сказал Баубек, также просунув голову в дверной проем юрты. – Наверное, ходит в степи.

В юрте не было ни души. Отойдя от жилища, ребята принялись вглядываться вдаль, пытаясь разглядеть там старика, как вдруг недалеко от них послышалось чьё-то неприятное рычание.

Глава 4. Воспоминания Камбара Абдрашитова.

Весна 1991 года. Сарайшык. Гурьевская область. Казахстан.

Старик Камбар, заложив руки за спину, неспешным шагом прогуливался по степи. Он был одет в бежевый плащ, купленный когда-то его покойной женой Кунсулу в городском торговом центре по случаю какого-то совместного их торжества, а, возможно, и на его юбилей. Под плащом проглядывался воротник стеганой ватной безрукавки. В последние годы старик не снимал её до наступления лета. Кости немного стали поднывать, и появилось в теле ощущение холода. Его штаны были заправлены в разношенные яловые сапоги, и на голову был нахлобучен войлочный колпак.

В этом году Камбару Абдрашитову исполнилось шестьдесят восемь лет. Возраст преклонный, но он не выглядел дряблым и тщедушным. И он не носил умудренную бородку, – атрибутику многих аксакалов из сельских районов, – и не ходил важно и размеренно. Камбар по сей день ступал твердым шагом. Он держал спину ровно и всегда был по-солдатски чист, выбрит и ухожен. Вот только заложенные за спину руки выдавали в нем сильную погруженность в размышления или, скорее, в воспоминания, во время которых

он осторожно отмеривал каждое свое слово перед тем, как произнести его вслух. Долгая и суровая жизнь приучила его к этому.

Рядом со стариком шел человек. Он был значительно моложе и одет даже, по-пижонски. Кепка и клетчатый твидовый пиджак молодого человека выдавали в нем городского жителя. Было видно, что он о чем-то расспрашивал Камбара и успевал затем на ходу делать записи в свой блокнот остро-заточенным карандашом.

Это был журналист из «Прикаспийской коммуны». Он с утра появился здесь и, предупредив старика, что у него не так много времени, – ему надо было до обеда вернуться обратно в город по каким-то неотложным делам, – теперь брал интервью у него. Журналист задавал вопросы о детстве старика, о юности, о том, как проходила его жизнь. Он внимательно слушал Камбара и, с не менее внимательным видом, все это отмечал в блокноте.

Прошло много лет с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война и с того момента, как Камбаром был совершен подвиг. В стране уже во всю расцвела горбачевская гласность, превратившаяся к этому времени в практически неограниченную свободу слова, и газета, вспомнив о герое-земляке, решила посвятить ему отдельную статью на развороте, написав открыто и без цензуры.

Старик Камбар с журналистом, не удаляясь далеко от отары овец, мирно пасшихся на светло-зелёной травке, ходили

вокруг. Отара была немногочисленной. Слегка разбредшись под весенним солнцем, овцы позволяли пастуху с его собеседником делать достаточно большие круги.

– Из своего детства я помню только троих людей, – начал старик. – Это мой отец, его имя было Шона, моя мама, её звали Нурбике, и мой двоюродный брат Ельнар.

Старик Камбар произносил имена родных ему людей и делал на каждом из них акцент поступью, словно сейчас эти имена служили ему опорой. Он делал шаг правой ногой – это был отец – сила духа, мужественность и стойкость к трудностям были заложены в этом; левой – это была его мама – близость к сердцу подчеркивалась сострадательностью, справедливостью и порядочностью. Снова правой – это уже был Ельнар – неугасимая связь с прошлым, символ сплоченности и боевого клича-урана их рода, отзывающегося эхом в вечности.

– Вспоминая о них, – говорил старик, – я мысленно переносусь в те далекие годы конца двадцатых и начала тридцатых. Я был тогда ребенком, но хорошо помню то время, словно это происходило вчера.

Старик тяжело вздохнул и продолжил:

– Трудные были времена. Испытания на людей навалились огромные. Коллективизация и необдуманное превращение кочевого быта казахов в оседлый привели многие аулы к катастрофе. Голод нещадно косил детей и взрослых. Наверное, похлеще было только в годы великого бедствия, когда в на-

шу степь пришли джунгары²⁹.

Старик Камбар на мгновение задумался и продолжил:

– Много людей пострадало тогда. Очень много. Хотя, что греха таить-то, засухи, неурожай и голод часто случались в прошлом, до прихода в степь большевиков.

Сказав об этом, старик снова замолчал, но ненадолго. Было видно, что воспоминания давались ему тяжело.

– В те годы мой отец руководил басмаческим движением в степи...

– Вот это да! – воскликнул журналист. Он не ожидал услышать такое и, извинившись, переспросил:

– Ваш отец был главарем басмачей?!

– Да, и с оружием выступал против советской власти, – ответил спокойно старик и продолжил:

– Шона, мой отец, был тогда молод. Ему, наверное, было около двадцати шести лет, и он уже являлся предводителем среди мужчин рода.

Журналист принялся торопливо записывать в блокнот. Старик Камбар сделал паузу, ожидая пока тот закончит писать.

– А каким был ваш отец, Кабеке? – сделав запись, уважительно обратился к нему журналист. – Не могли бы в двух словах описать его? Каким он был? Что ему нравилось в жизни?

---

²⁹ Серия военных действий между Казахскими жузами и Джунгарским ханством, продлившаяся с XVII века до середины XVIII века. Стратегической целью джунгар являлось увеличение территорий для кочевья путём присоединения соседних земель Казахского ханства.

ни?

– Отец был богатым и очень влиятельным человеком, – отозвался Камбар, шагая с заложенными за спину руками. – Но богатство и власть его не портили: он был трудолюбивым человеком. Сам ухаживал за лошадьми. Он часто находился в седле и выходил на выгон. Помню, как я ждал его возвращения домой пока он находился в степи. Стоял во дворе и смотрел вдаль. А завидев вдалеке всадников, вприпрыжку бежал к ним навстречу. Насколько я сейчас это помню и понимаю, у него тогда были и редкие скакуны, которыми он торговал с купцами, приезжавшие к нему из разных мест. Это было, точно...

Продолжая идти, старик Камбар говорил. Но в его памяти до сих пор отчетливо сидела картина, когда отца пришли забирать красноармейцы. И он принялся рассказывать ее журналисту. Тот слушал не перебивая.

– Это произошло в начале лета 1929 года. Мне было тогда лет шесть. Тот ранний вечер ничего необычного не предвещал. Мы только недавно всем аулом перекочевали на летнее пастбище – джайлау, в Уильском районе Актюбинского округа, и взрослые занимались там своими обыденными делами. Я находился на улице и видел, как небольшая группа пожилых женщин, что-то активно обсуждая, хлестала тальниковыми прутьями верблюжью шерсть, периодически равномерно перекладывая ее на овечьих шкурах. Недалеко от них бегали и резвились другие дети. Женщины помоложе со

своими старшими дочерями занимались хозяйскими делами, вычищая для постоя свои глинобитные дома, и вытряхивая из них пыльные паласы и корпе. Основная часть мужчин и подростков, уцелевшая в последней стычке с красноармейцами, была в это время на перегоне скота и еще не подоспела к ним. Пара женщин усердно колдовала над варившемся в большом казане мясом, готовя большой ужин на всех. Остальные соплеменники, в том числе старики, находились в домах. Мой отец, Шона, был тяжело ранен, – кажется в грудь, не помню, – и находился в своем доме. Никто не подозревал, что к нам в это время приближался большой отряд конных красноармейцев, вышедший ранним утром из Актюбинска. В суматохе кто-то из братьев моего отца потом говорил об этом. Они еще говорили, что это могло означать только одно, что их предал кто-то из тех, кто знал места их летних кочевков, не зря ведь красноармейцы смогли сразу и безошибочно выйти на них в степи, – старик отвлекся и, поправив воротник плаща, словно это дало ему немного времени, чтобы обдумать о чем-то, продолжил, – ну так вот. Спустя немного времени сквозь эту степную идиллию и тишину стали доноситься чьи-то крики. Кто-то кричал вдалеке: «Красные! Сюда едут красные!» Это был мой двоюродный брат, Ельнар. Оказывается, он вырвался вперед от взрослых перегонщиков скота и заметил отряд красноармейцев, который двигался в сторону джайлау. Недолго думая, он поспешил предупредить нас об этом. Было видно, как Ельнар несся на

своим коне, приближаясь к пастбищу. Он подстегивал коня по бокам плеткой, и, не боясь, что его услышат солдаты, во весь голос кричал: «Красные! Сюда едут красные!» Услышав это, женщины в испуге хватали детей и прятались в домах. Несколько мужчин, оставшихся после перекочевки на пастбище с моим отцом, схватили винтовки и заняли боевые позиции. В этот момент Ельнар на своем коне подскакал к нашему дому и, спрыгнув на землю, быстро вбежал внутрь. Я забежал за ним и захлопнул входную дверь. Наверное, я пытался спасти этим самым всех, кто был в доме от красноармейцев. Стоя уже внутри помещения, Ельнар еще раз прокричал, что красные выследили их и скоро будут здесь. Но отец, с трудом встав со своей кровати, спокойным голосом ответил ему: «Я слышал, Ельнар». Еле стоя на ногах и держась за раненую грудь, он позвал меня и попросил подать ему его ружье. Оно лежало на столе. Я молча выполнил поручение отца и подал ему ружье. Моя мама, Нурбике, стояла рядом с ним. Кажется, она почувствовала сильную тревогу и вцепилась в оружие. Со слезами на глазах она тихо проговорила: «Шона, я умоляю тебя, не надо воевать с ними больше. Они ведь убьют тебя и твоих братьев». Как сейчас помню, отец тогда взглянул маме в глаза и опустил ружье. Он затем повернулся к Ельнару и сказал: «Ельнар, будем сдаваться. Скачи навстречу нашим и скажи им, чтобы не сопротивлялись и складывали оружие».

Старик замолчал, смахивая рукавом своего плаща слезу с

глаз. Журналист, словно решив, что довольно с него на сегодня, – не стоит теревить сердце старика воспоминаниями, – посмотрел на часы: время было около одиннадцати часов. Он уже собирался заканчивать на сегодня с расспросами, но тут старик Камбар заговорил снова:

– Отец вышел во двор. Он сел на деревянную скамейку, которая стояла у дома и прислонился головой к стене, старик показал журналисту, как Шона сел на скамейку и добавил, – вот так. Не прошло и нескольких минут, как у дома появились красноармейские всадники. Их было много: сабель сто. Один за одним они спешили и быстро взяли в кольцо повстанцев, плотно окружив их всех. Отец прислонился рукой к стене и встал со скамейки. Наверное, в этот момент он подумал о том, что права была мама. При любом их сопротивлении, красноармейцы могли зарубить их всех своими острыми саблями. Чуть погодя, за конным отрядом красноармейцев подошла пешая группа мужчин. Это был основной отряд отца, который состоял из родственников, тех самых мужчин, на встречу к которым направился Ельнар, чтобы передать им слова моего отца. Было видно, что они прислушались к нему, так как сдались без боя и теперь шли молча, понуриив головы, конвоируемые несколькими всадниками. За ними шел многочисленный табун лошадей. Пыль стояла столбом. Животные шли. Ими управляли несколько опытных погонщиков. Они ловко справлялись с делом. Это

были жатаки³⁰, бедняки, которые батрачили на моего отца раньше, но затем перешли на сторону Советов. Все это время маленький я стоял в дверях дома и наблюдал за происходившим. Я был напуган и растерян. Подъехал грузовик. В кузове уже находилось несколько пленных из числа тех, кого большевики перехватили по дороге с перегона. К отцу подошли два красноармейца. Они подняли его под руки и повели к грузовику. Я не удержался и побежал за ними. Вцепился в рукав рубахи отца и принялся тянуть на себя. Я пытался вырвать его из рук красноармейцев и кричал: «Отец, не покидай нас!» До самого грузовика я шел так за отцом и не выпускал из рук его рукав. Но, когда подошли к машине, то один из красноармейцев оттолкнул меня и крикнул: «Ну-ка, пацан, иди отсюда!» Но я не послушался и остался стоять рядом. Красноармейцы перестали обращать на меня внимание. Они взяли под руки отца и посадили его в кузов автомобиля. Через мгновение отец выглянул оттуда и сказал мне: «Сынок, беги к маме! Будь с ней рядом!» Но я ослушался его и продолжал стоять рядом с грузовиком. Я был растерян. Стоял и глядел то на отца, то затем на маму, которая сидела на той же скамейке, где недавно сидел отец, и рыдала. Но тут грузовик прорычал и тронулся. Отец махнул мне рукой и выкрикнул: «Сынок, ты теперь дома за главного. Береги себя и маму! Кош бол, балам³¹».

---

³⁰ Обедневшие казахи, не имевшие достаточно скота для кочёвки.

³¹ Каз. Прощай, сынок.

Старик, чуть помолчав, добавил:

– После до нас с мамой дошло страшное известие. Отца этапировали в лагерь для кулаков и баев. Но он пытался бежать и его расстреляли. Это случилось по дороге в северную часть Казахстана.

Немного подумав, он продолжил:

– И вот, моя мама сидела еще какое-то время на той скамейке словно веря в то, что ее муж в скором времени вернется, как это было обычно, когда он возвращался с перегона лошадей или охоты. Помню, пока мы с мамой и другими родственниками – в основном это были женщины, дети и старики – оставались на джайлау, я несколько дней подряд выходил во двор, чтобы, как и раньше встретить отца. Но, не дождавшись его, я возвращался обратно в дом, казавшийся опустевшим без отцовской заботы и душевной теплоты...

– Но, что интересно, – продолжал говорить старик, глядя куда-то в степную даль и не обращая внимания на журналиста. – После этого случая я никогда больше не видел свою маму такой растерянной и слабой. Я не помню ни одного дня, чтобы она плакала или унывала. Хотя, возможно, что она это делала украдкой от меня?

Тут журналист перебил старика, решив немного отвлечь его и перевести разговор на тему о его двоюродном брате.

– Кабеке, а ваш брат Ельнар... – продолжил он, – ... что с ним случилось? Он, как я понял, отправился предупредить ваших родственников о красноармейцах. А потом, он вернул-

ся обратно с ними? Его забрали вместе с дядями? Куда он делся в конце?

Лицо старика слегка просияло, и он проговорил:

– Ельнар был непоседой. Помню, он всегда норовил помочь дядям и даже однажды, оседлав лошадь, помчался догонять их, когда те ушли на перегон. Благо, что он догнал их в степи, так как в один момент его лошадь, угодив копытом в нору суслика, упала и он вылетел из седла. Во время падения он глубоко разодрал кожу об острые ветки кустарника. Хорошо, что взрослые были поблизости и, заметив племянника, пришли вовремя к нему на помощь.

Старик провел большим пальцем по левой стороне своего лица и добавил:

– После этого у Ельнара остался шрам на лице, проходивший ото лба через левый глаз, рассекший бровь и щеку. Хорошо, что глаз остался целым. Кстати, Ельнар тоже находился в том грузовичке, когда моего отца сажали туда. Он попытался спрятаться в кузове. Хотел уехать вместе со старшими родственниками. Но в тот момент, когда меня оттолкнул красноармеец, и я, заметив его, крикнул, позвав его по имени. Ельнара сразу же вытащили оттуда, но он не разозлился за это на меня. Любил меня очень! Он был мне как родной брат: между нами была крепкая связь. Ельнар был старше меня на шесть лет. Получается, ему тогда было двенадцать... Мы вместе затем стояли и смотрели вслед уходящим в степную даль машине, людям и всадникам...

– И что потом, Кабеке? – спросил журналист, безжалостно вытягивая из старика невидимые нити воспоминаний о прошлом. – Что с ним случилось дальше?

– Но потом Ельнар все-таки куда-то сбежал, – сказал старик, взглянув грустными глазами на журналиста. – Вероятно, вдогонку за нашими. И пропал без вести...

Старик с журналистом продолжали идти по кругу. Эти круги теперь казались некими витками в многолетней, длинной в целую человеческую жизнь, спирали воспоминания, которые сейчас они вместе раскручивали в сознании старика Камбара. Они шли. Журналист за это время успел еще пару раз взглянуть на часы, а старик поведать ему об аресте его других родственников, его дядей, которые также, как и его отец принимали участие в восстаниях против большевиков.

– Вместе с мамой и другими родственниками, в основном это были женщины, старики и дети, мы оставались еще какое-то время на джайлау в Уильском районе. Затем, в поисках пропитания и выживания, мы с мамой подались в Жилосинский район³². Там мама, вместе с другими женщинами, обстирывала и обштопывала одежду рабочих нефтегазодобывающих предприятий. Связь с другими родственниками из нашего аула в Уильском районе была утрачена. Возможно, кому-то из них удалось уйти за границу, не знаю. Позже, я слышал от других, что некоторым удалось откочевать с аула-

---

³² Район в Гурьевском округе с 1928 по 1963годы. В настоящее время район называется Жыльойским районом.

ми в Китай, кому-то даже в Турцию и в Афганистан. Сви-репствовали сильный голод и эпидемия тогда. Снова гибли люди. На тот момент мне было уже девять лет. Мы с мамой переехали поближе к реке Яик. Поселились в Сарайшыке. Здесь можно было выживать за счет рыбы.

Старик остановился и, немного подумав, с грустью про-изнёс:

– Многие так поступали в то время.

Глянув на холмик, находившийся невдалеке, он добавил:

– Давай присядем ненадолго. На дорожку, так сказать! А завтра, когда вернешься, я продолжу свой рассказ.

Но присев, старик Камбар захотел говорить еще. Что-то из него сейчас выливалось вместе с воспоминаниями, ему становилось от этого легче, будто бы он был на исповеди, но нет не перед этим журналистом, а самой жизнью, перед этой окружавшей его природой, в которой он когда-то родился, рос и продолжал жить. Он сейчас, как никогда, давал воз-можность своим скопившимся чувствам найти выход и тем самым постепенно отваживался перейти на рассказ о глав-ном, о том, с чем были связаны другие витки в спирали его жизни.

Старик успел вкратце поведать журналисту о том, что в селе Сарайшык он начал учебу в семилетней школе, которую затем закончил летом 1935 года. К этому времени ему ис-полнилось уже двенадцать лет, как его двоюродному брату Ельнару, когда они расстались.

Дальше, он вспомнил, как начиная с того же лета, он устроился работать к рыбакам в помощники, помогая им плести сети и вытягивать рыбу. Не забывая помогать своей маме, он подрабатывал разнорабочим у строителей. Возводили новые строения в Сарайшыке и в соседних селах. Жизнь на новом месте постепенно менялась, как, впрочем, заметно изменялась ситуация во всем Казахстане в те годы.

Шла мощная индустриализация. Прибывали новые люди из разных концов советской страны. Так, прошло еще пару лет.

Камбар увлекся и хотел было продолжить, но журналист извинился и сказал, что ему надо возвращаться. Он пообещал, что завтра непременно приедет, и Камбар расскажет, что же было дальше.

Они едва успели договориться, как услышали со стороны юрты громкий собачий лай и протяжные сигналы от клаксона «Узика».

Глава 5. Ахан Атаев.

1937 год. Сарайшык. Гурьевская область. Казахстан.

Над степью всходило солнце, освещая правый берег реки и обширные археологические раскопки³³ древнего города.

На раскопках находились археологи, прибывшие на днях из Саратова. Недалеко от раскопок стояли растянутыми брезентовые палатки.

В апреле в Гурьевской степи погода выдалась теплой и без

---

³³ Огромные усилия многомиллионного народа позволили когда-то совершить грандиозный сдвиг в Советском Союзе. В период с 1928 по 1941 годы, стране, окруженной кольцом враждебных государств, удалось преодолеть отсталость и в сжатые сроки совершить невероятный скачок из аграрного в индустриальное общество. Но вместе с мероприятиями по модернизации страны и развитию военно-промышленного комплекса, без которого не была возможна победа над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны, советский человек стал акцентировать внимание на развитие наук, в том числе и на археологию. В середине 1930-х годов в СССР были созданы региональные центры археологических исследований, осуществлялись массовые и крупномасштабные работы в этом направлении. Как и многим археологическим памятникам прошлых веков, представлявших культурное наследие и народную ценность, городищу Сарайджук суждено было стать объектом пристального изучения. Археологический памятник являлся неотъемлемой частью маршрута изучения истории и культуры народов, населявших в прошлом обширную территорию между реками Итилем и Яиком. Весной 1937 года археологическая экспедиция Саратовского областного музея краеведения начала изучение средневекового городища Сарайджук. Во время предварительных работ в восточной части центральных развалин экспедицией был открыт массив застройки четырнадцатого века. Начались масштабные раскопочные работы.

осадков. Удачный сезон для раскопочных работ, так как летом нещадно палит солнце, и достают назойливые комары и мошкара.

Экспедицией руководил профессор археологии Аксютов Николай Петрович – заведующий археологическим отделением Саратовского областного краеведческого музея. Профессор Аксютов был специалистом по археологии Северного Прикаспия и давно горел желанием провести изучение археологического памятника «Сарайджук». Он шел к этому долгие годы и сейчас старательно пытался реализовать свою мечту вместе с коллегами по музею.

Археологическая партия Аксютова была интернациональной: русские, украинцы, прибалты и несколько выходцев из Кавказа и Средней Азии. Этим людей тесно связывало не только общее дело, к которому они относились с упоением и профессионализмом, но и святыя узы товарищества.

И сейчас один из них ловко орудовал штыковой лопатой, аккуратно убирая верхний грунт земли, не относившийся к культурному слою. Другой центрировал и перенастраивал нивелир, третий делал отметки и вносил обновления в топографические карты, четвертый счищал кисточкой песок и осторожно сдувал пыль с появлявшихся на свет артефактов³⁴, пятый вносил в дневник записи о новых данных, шестой, обходя остатки валов и осторожно переступая через них, фотографировал находки.

---

³⁴ Археологические находки

Из картонного репродуктора, закрепленного на шесте рядом с одной из палаток, зазвучала маршевая музыка, сопровождаемая хриплым голосом диктора:

«Раз, два, раз, два... так, молодцы! А теперь, перейдем к приседаниям».

Полы палатки, как боковые кошмы юрты, были высоко задраны. Временное жилище археологов проветривалось, и со стороны было видно, что внутри него стояли сколоченные из досок столы с деревянными лотками. В лотках лежали фрагменты недавно найденной глиняной и керамической посуды, домашней утвари, монеты и несколько украшений. Среди старинных артефактов находилось крупное серебряное кольцо, вероятно, принадлежавшее когда-то знатной пожилой женщине, а пара серёжек, лежавших рядом с серебряным кольцом, с простенькими разноцветными камушками, нанизанных на тонкие медные проволоки, явно использовались юной особой, знавшей толк в средневековой моде.

Ахан Атаев был единственным казахом в экспедиции. Как и все его коллеги, он прибыл из Саратова, и сейчас работал в поле. Ахан искренне радовался своему занятию. Его глаза, словно наполненные счастьем, искрились. В свои тридцать четыре года он наконец обрел смысл жизни после долгого эмоционального застоя.

Ахан слегка сдвинул на затылок широкополую панаму и, облокотившись о черенок штыковой лопаты, воткнутую в землю, вытер тыльной стороной ладони пот со лба. Затем он

поднял с земли фляжку с водой и сделал несколько глотков, жадно утоляя жажду.

Полевая работа, в отличие от интеллектуального труда в музейных кабинетах и лабораториях, требовала от археологов невероятной выносливости, выдержки и чуть ли не любви к аскетическому образу жизни. Ведь им приходилось работать и в дождь, и в холод, и в знойную жару. Но Ахан, несмотря на его невысокий рост и интеллигентный вид, был достаточно силен и стоек к различным трудностям. Он самоотверженно орудовал лопатой в поисках артефактов. И уже на второй день, находясь под весенним солнцем и пыльными ветрами, на его голом торсе хорошо просматривался загар, а белозубая улыбка ослепительно сияла на посмуглевшем лице. По традиции в экспедициях бриться не рекомендуется, и мужчина-археолог должен носить бороду, но Ахан не обращал внимания на условности. Он ежедневно следил за собой: чисто брился и причесывался.

Археологи без отрыва от работы по очереди готовили еду, назначая ежедневно новых дежурных, обедали, отдыхали и снова приступали к делу. Но были и те, кому пришлось разместиться в домах местных сельчан, под напором их гостеприимства. Находясь часами, а то и целыми днями вместе с археологами, сельчане помогали, как могли, знакомились и начинали настойчиво звать в гости, ну а затем, пользуясь правами хозяев, требовали остаться на постой. Хотя, не все археологи соглашались на это, многие все же предпочитали

романтическую обстановку на природе. Так им было удобнее, да и кому-то все равно нужно было постоянно находиться на раскопках и стеречь найденные артефакты.

Работа кипела. Выявленный культурный слой оказался в толщину около двух метров. Отчетливо просматривались стратиграфические напластования, отложившихся за время жизнедеятельности человека. Внутри напластований обозначились несколько строительных периодов. Каждая деталь, прослойка, пятнышко были важны для установления времени создания и использования найденного предмета. Сантиметры слоя могли хранить в себе какой-нибудь предмет, несший богатую информацию об этом месте, и о людях, населявших эту местность.

Жителям села нравилось, что с появлением археологов, в городище Сарайджук пришел порядок, и появилась даже некая гармония. А ведь еще совсем недавно все выглядело иначе. Тут и там виднелись вырытые ямы, означавшие, что на раскопках успели поорудовать черные копатели. Похоже, они искали что-то ценное, – драгоценные украшения, редкие монеты или какой-нибудь диковинный артефакт, – все, что могло бы пользоваться большим спросом у скупщиков старинных вещей и антиквариата. Вандалы своими хаотичными перекопами наносили непоправимый вред науке и огромный урон археологическим работам, уничтожая культурный слой. Но научный подход археологов к работе постепенно становился заметным для всех. На раскопках с каждым днем

стали появляться ровные валы, проглядывались основы бывших когда-то строений, очертания комнат, следы от трубопроводных и отопительных систем. Бережно вскрываемые один за одним напластования давали археологам представление о приблизительном возрасте найденных в них предметах.

Ахан выпил еще немного воды и, отложив фляжку на землю, поправил на голове панаму. Лицо его было серьезным. Он развернул кожаный чехол, в котором были разложены по разным отсекам металлические шпатели, ножи разных размеров и разнокалиберные кисти. Его сосредоточенность объяснялась тем, что он приступал к более детальному и кропотливому занятию. Надо было попытаться как можно точнее восстановить все то, что лежало здесь до вмешательства черных копателей, понять сходство напластований и отложенных, постараться отыскать в них все то, что могло бы остаться после вандалов, а уже только потом приступать к изучению самих артефактов, применяя к этому делу полученные исследовательские данные.

Ахан спустился в земляное углубление и работал, стоя на коленях, согнувшись, когда к краю углубления подошел мальчик лет четырнадцати или пятнадцати и присел на корточки.

Ахан не сразу обратил внимание на мальчика. Он был увлечен работой. Сумев восстановить небольшой участок на месте раскопки, он наткнулся на черепок от фарфоровой ча-

ши. По найденному фрагменту было видно, что чаша была не простой. Она имела необычную роспись, и ее покрывал тонкий, не вполне ровный слой бесцветной, слегка зеленоватой глазури. Такая посуда могла быть частью дорогого сервизного набора.

– Кто знает, может сам хан пользовался ею? – вслух проговорил Ахан, заметив наконец-то рядом с собой юного посетителя. – Здесь надо быть очень осторожным и не торопиться. Всё, как в жизни!

Счистив с найденного черепка налипший песок, археолог оторвался от своего занятия и, протянув правую руку мальчику, поздоровался с ним.

– Давно здесь сидишь? – поинтересовался Ахан. – А то я совсем увлекся делом.

– Нет, только подошел. – ответил мальчик и, положив руки на колени, остался сидеть на корточках у края углубления.

Он заметно приободрился после того, как поздоровался с Аханом, и теперь глядел на него с любопытством. Археолог понял, что мальчик стесняется заговорить.

– Кстати, меня зовут Ахан, – представился он и спросил:

– А тебя, сынок, как зовут?

Он продолжал глядеть на него снизу вверх, ожидая ответа на свой вопрос.

– Меня зовут Камбар, – ответил тот и смущенно улыбнулся.

С ним очень давно никто не говорил с теплотой. А этот, человек, чем-то отдаленно напомилавший ему отца, назвал сыном. Камбар будто врос ногами в землю и теперь никуда не мог отойти от этого человека. Он сидел на корточках рядом с Аханом и наблюдал, как тот продолжал орудовать кисточкой и бережно смахивать ею с черепка остававшуюся пыль.

– Камбар, а ты из этого села? – спросил Ахан, снова оторвавшись от артефакта, чтобы перевести дыхание и разогнуть спину. – Мы здесь уже третий день, но я тебя в первый раз вижу.

– Да, я живу в этом селе вместе с мамой, – мальчик указал на дома, стоявших вдали. – Но вчера и позавчера я был в соседнем селе. Помогал маминим знакомым строить сарай. Только что вернулся обратно от них.

– Сарай помогал строить! – воскликнул Ахан. – Ай да молодец! Выходит, что ты, Камбар, неплохой помощник.

Но Камбар не успел что-либо ответить на это. Неожиданно его кто-то окликнул. Мальчик и Ахан обернулись. Позади них стояла Нурбике. Весеннее светлое пальто на молодой женщине мило сочеталось с легким платком на голове, обрамлявшим её красивое лицо.

– Камбаржан, ты уже вернулся? – ласково поинтересовалась она у мальчика и, посмотрев на археолога, скромно поздоровалась с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.